

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ПОЕДИНОК С МЕЧТОЙ

Ольга Геннадьевна Володарская

Поединок с мечтой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29417797

Поединок с мечтой : [роман] / Ольга Володарская; Э; Москва; 2017

ISBN 978-5-04-090000-8

Аннотация

Святослав Глинка считал себя победителем по жизни. Успешный бизнес, большой дом, идеальная невеста. Его отец в девяностые был неприлично богат, но, когда его не стало, оказалось, что Святослав наследует не мощную империю, а ее руины. Однако на них он смог создать свою без чьей-либо помощи – у Глинки не осталось родственников, кроме умственно отсталого кузена Павлика...

Так Святослав думал до тех пор, пока не встретил Саида Гарифова, утверждавшего, что он его чудом выживший брат. Младший Глинка был похищен в возрасте трех лет с целью выкупа. Отец заплатил, но мальчика все равно убили... И вот спустя семнадцать лет некий Саид заявляет, что его спасли. Он готов доказать свое родство со Святославом, пройдя через анализ ДНК. Глинка привел его в свой дом, и в тот же день там произошло убийство...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	71
Глава 5	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Ольга Володарская

Поединок с мечтой

© Володарская О., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*** * ***

Пролог

Он был одет не по погоде. Стояла жара, пусть не африканская, но вот уже неделю термометр показывал выше двадцати, и это в средней полосе России в первой половине мая. Горожане носили футболки, особенно теплолюбивые – тонкие свитера, и только Саид – куртку с капюшоном. Не по размеру большую, длинную, грязно-зеленого цвета. Его худое тело тонуло в ней. Руки Саид засунул в карманы, капюшон натянул на голову, чтобы скрыть лицо.

Он стоял у большого офисного здания. Роскошного, сверкающего идеально намытыми окнами и хромированными вывесками. К нему подкатывали дорогие иномарки, из которых выходили холеные господа и дамы, говорящие на непонятном языке. Саид, хоть и вырос в Таджикистане, отлично знал русский, но эти люди употребляли слова, незнакомые ему: консалтинг, брифинг, тендер...

Саид стоял у здания уже два часа и устал. Он был бы рад присесть на одну из лавок у крыльца, но когда он попытался это сделать, его отогнал охранник. Пришлось отойти подальше, не привлекать внимания. Но Саиду нужно было видеть тех, кто подъезжает и подходит, чтобы не пропустить того, по чью душу он явился.

Его мелко трясло. Но, естественно, не от холода. Нервы были на пределе, вот и пробирало... Практически до костей.

Которые обтягивала смуглая сухая кожа. У Саида не было ни грамма жира. И минимум мышц. Он был очень худ. Но все же физически слабым его трудно было назвать. Саид не гнул гвозди и не ломал о голову кирпичи, зато легко преодолевал огромные расстояния. Шел себе и шел. До города, в котором он сейчас находился, Саид топал четыреста километров. Денег на поезд или автобус не было, а автостопом он по России передвигаться опасался. Незнакомая страна, мало ли...

Саид посмотрел на часы, что висели над крыльцом. Они показывали четверть одиннадцатого. Офисы начинали работать в девять (а он явился заранее – к восьми), и сейчас мало кто подъезжал к зданию. Охраннику на входе нечем было занять себя, и он сверлил Саида взглядом. Тот понял, что, если не скрыться в ближайшие несколько минут, неприятностей не избежать. Но как уйти, если миссия не выполнена?

Еще глубже спрятав лицо под капюшоном, Саид стал подаваться назад, чтоб хотя бы частично скрыться от взгляда сурового богатыря, охраняющего подступы к зданию. Но тут в поле его зрения попал высокий русоволосый мужчина. До этого Саид видел его лишь на фотографии, но сразу узнал. Это был Святослав Глинка...

Тот, кого он ждал.

Пальцами правой руки Саид нащупал рукоятку пистолета и сжал ее. Стало немного спокойнее.

Пора, сказал себе Саид, и рванул в сторону Глинки.

Часть первая

Глава 1

Святослав Глинка плохо спал этой ночью. Ему снилась какая-то дрянь. Но какая именно, он не мог вспомнить, как ни старался. Кошмары редко посещали Святослава. Он спал крепко и безмятежно, хоть и немного: пять-шесть часов его организму вполне хватало на отдых. Еще Глинка ни разу в жизни не принимал снотворного. Даже когда летал по делам в Америку, он в отличие от своих партнеров и помощников не закидывался таблетками, чтобы одиннадцать часов не мучиться, а после бокальчика вина и бутерброда с икрой откидывал кресло, закрывал глаза и проваливался в спокойный сон. Пробуждался за три часа до посадки, пил кофе, просматривал рабочие материалы и бодро спускался по трапу, тогда как его спутники еле тащили ноги. Почти все спрашивали, в чем его секрет. Глинка с легкой улыбкой отвечал: «В чистой совести».

Но сегодня он спал плохо. Поэтому встал разбитым. Привести себя в норму не смог – не помогли ни контрастный душ, ни кофе, ни огромный кусок шоколадного торта, съеденный на завтрак вместо привычной каши. Сейчас Глинка ехал в офис. А так как до пробок не успел, то передвигался

на черепашьей скорости, что раздражало еще больше.

Стоя на очередном светофоре, Святослав принялся рассматривать свое отражение. Хотя он и был красив, но самолюбование его не увлекало. В том, что черты Глинки были близки к идеальным, не его заслуга. Спасибо за это родителям. А Святослав гордился только своими достижениями.

Ему исполнился тридцать один год месяц назад. Идеальный возраст для идеального мужчины. Красивый, успешный, здоровый... Еще молодой, но уже не бестолковый. К тому же холостой. На Глинку кидались женщины от пятнадцати до пятидесяти. Первые годились ему в дочери, вторые – в матери (он потерял невинность в четырнадцать, а его мама родила в девятнадцать), но Святослав не любил крайностей, поэтому выбрал для себя девушку среднего возраста. На праздновании ее двадцатипятилетия они познакомились и встречались восемь месяцев. Святослав отметил в электронном календаре дату знакомства, чтоб не забывать ежемесячно поздравлять свою пассию с этим знаменательным событием. Глинка знал, что девушки щепетильны в этих вопросах, и не хотел омрачать отношения. Он был перфекционистом и стремился к совершенству во всем. Как правило, добивался его. Даже в отношениях. Благо, эмоции ему не мешали. Святослав не любил ни одну из своих избранниц, однако симпатизировал каждой. Но последняя казалось ему самой подходящей на роль жены. Собственный образ жизни пока Святослав считал идеальным, но понимал, что через

пару лет все изменится. Великовозрастные холостяки вызывают недоумение. И не только у простых обывателей. Святослав настороженно относился к мужчинам из бизнес-среды, которые в тридцать пять, а тем более в сорок ни разу не были женаты и не имели детей. Женщин он за это не корил, потому что знал – удовлетворительного мужа (хорошего ищут до тридцати) найти сложно, а родить «для себя» не каждая решится.

...Показалось здание, в котором располагался офис компании Святослава Глинки. Но подъехать к нему в ближайшие десять минут не представлялось возможным: деловой центр города был перегружен с утра и до самого вечера. Поскольку Глинка и так опаздывал и не хотел тратить лишнее время в пробке, то оставил машину на ближайшей парковке и отправился к офису пешком. В отличие от большинства людей своего круга он не занимался спортом. Ни в тренажерный зал не ходил, ни в бассейн. Не играл в футбол или волейбол. Не катался на горных лыжах или сноуборде. Но при возможности Святослав ходил пешком. И ему это нравилось. Если выпадал часок-другой свободного времени, он отправлялся на прогулку. Любил бродить по лесу, благо жил в загородном доме. Но и по улицам мегаполиса было приятно пройтись.

Когда Глинка достиг офисного здания, на котором самой заметной была вывеска с названием его фирмы, то прежде, чем зайти в него, приостановился. Зазвонил телефон, а он

никак не мог найти его в портфеле. Когда Святославу это удалось, он услышал крики. Среагировав на них, увидел, как охранник, дежуривший на улице, налетел на худого мужчину в огромной куртке. Он сбил его с ног и стал заламывать руки. При этом он вопил: «Лежать! Не двигаться!», а бедолага, чье лицо в кровь разбилось о брусчатку, требовал его отпустить и называл имя...

Святослава Глинки.

– Что тут происходит? – спросил тот, подойдя к дерущимся.

– Террориста поймал, – пропыхтел охранник. – Я его давно приметил. Отирался тут уже два часа, нужный момент выжидал...

– Я не... – начал было протестовать «террорист», но получил по зубам.

– Перестаньте его бить и поднимите, – разозлился Глинка. – Покалечите человека.

– Да у него наверняка под курткой бомба!

– Так проверьте.

– Я это и собираюсь сделать.

Охранник, которого согласно бейджику звали Олегом, выдернул из брюк ремень и ловко обмотал запястья своего пленника. После этого перевернул его на спину и стал расстегивать молнию куртки. Когда он сделал это, оказалось, что под курткой ничего, даже майки. Она была надета на голое тело, худощавое и смуглое. Под правым соском Глинка за-

метил бугристый, но побелевший от времени шрам.

– Теперь вы успокоились? – холодно проговорил Святослав.

– Нет, – мотнул коротко стриженной башкой охранник. – Пусть я ошибся на счет бомбы, но у этого типа явно недобрые намерения.

– С чего вы взяли?

– С того! – и вытащил из кармана пленника пистолет.

– Этот человек называл мое имя, – заметил Глинка.

– Да. Я слышал. И видел...

– Что именно?

– Как задергался, когда вы оказались в поле его зрения.

А потом бросился в вашу сторону, пытаясь что-то вытащить из кармана. Угадайте что?

Пока они разговаривали, спаситель Глинки осматривал другие карманы пленника. В нагрудном отыскал паспорт.

– Гражданин Таджикистана Саид Искандерович Гарифов, – сообщил мужчина Святославу. – Вы с ним знакомы?

– Нет.

– Да, – возразил Саид, сплюнув кровавые слюны.

Святослав посмотрел на него пристально. Молодой. Лет восемнадцати-двадцати. Смуглый, кареглазый... Но не похожий на таджика. Возможно, полукровка. И Глинка совершенно точно видел парня впервые.

– Дайте уже ему встать, – раздраженно проговорил он.

Охранник легко поднял Саида. Он оказался довольно вы-

соким, в районе ста восьмидесяти сантиметров.

– Вы делали ремонт в моем доме? – осенило Глинку. Недавно он перестраивал террасу, и бригада рабочих состояла из таджиков.

– Я Макс. Твой брат, – услышал Святослав и едва не уподобился охраннику, двинувшему Саиду по зубам.

– Мой брат погиб семнадцать лет назад, – сдержав ярость, процедил Глинка.

– Нет. Меня спасли. И я преодолел тысячи километров, чтобы встретиться с тобой.

– Для чего? – и красноречиво посмотрел на пистолет.

– Это зажигалка нашего отца. Неужели не помнишь?

Глинка протянул руку, охранник вложил в нее пистолет. Он выглядел как настоящий. И весил так же. И все же это была зажигалка. Отцу ее подарили друзья из Тулы на день рождения. Заказали на оружейном заводе, сделали гравировку (Святослав как раз смотрел на нее в данный момент). Презент очень понравился имениннику. Всякий раз он прикуривал сигары именно от него. Но зажигалка оказалась одноразовой, и, когда в ней кончился газ, она стала бесполезной. Отец отдал ее своему сыну вместо игрушки. Старшему, Святославу. А когда в их семье появился Макс, пистолет перекочевал к нему.

– Саид, где ты взял эту вещь? – спросил Святослав.

– Она всегда была при мне... – ответил тот, утерев рот – кровь все еще сочилась из его уголка. – С детства. Я не рас-

стаюсь с ней с трех лет.

Максим погиб в возрасте трех лет!

– Что будем с ним делать, господин Глинка? – подал голос охранник.

Святослав молчал – думал.

– Предлагаю вызвать полицию. Пусть пробьют по базам этого Саида Гарифова. Подозрительный тип, у меня нюх на таких.

– Не надо вмешивать органы, – взволнованно выпалил пленник и впился своими черными глазами в лицо Глинки. – Это наше семейное дело... И ты, Святослав, знаешь, о чем я.

И Глинка решился.

– Освободите его, – велел он охраннику.

Тот недоуменно на него воззрился.

– Под мою ответственность, – затем достал из кошелька две пятитысячные купюры и сунул их в карман Олегова пиджака. – Благодарю за бдительность.

– И все же я не советовал бы вам доверять этому человеку...

– Я никому не доверяю. А теперь отпустите парня.

Охранник освободил руки Саида, но Святослав заметил, как напряглось его тело – приготовился к удару или любому другому проявлению агрессии. Но освобожденный пленник только стыдливо запахнул свою куртку.

– Олег, я могу вам доверять? – обратился к охраннику Глинка.

Тот с готовностью кивнул. Голова как тыква. Большая, круглая. Шишковатый низкий лоб неандертальца. А лицо умное. Глаза пронизательные.

– Вы не могли бы по-тихому провести Саида в какое-нибудь необитаемое в этот час помещение?

– Конференц-зал пустует, и он на первом этаже, недалеко от входа.

– Отлично. Будьте добры, сопроводите его туда. Я отправлюсь следом.

– Сделаем.

И повел Саида к крыльцу. Тот пару раз обернулся на Святослава, но он с каменным лицом доставал телефон – нужно было сделать несколько звонков.

...Младшего брата, который появился в семье, когда старшему было одиннадцать, звали Максимилианом. Но все называли его Максом. В отличие от Святослава, не признающего сокращений своего имени, младшенький просил, чтоб его называли Масей. Макс он не выговаривал и говорил – Мась.

Он не был похож на брата, русоволосого, голубоглазого хулигана, которому даже в колыбельке не лежалось спокойно. Темненький, пухлый, спокойный, он напоминал маленького Будду. Родители так и называли Максимилиана – наш маленький Будда. Он родился с улыбкой на губах, но, познав мир, стал серьезным. Не грустным или сердитым, а вдумчивым. Хорошо чувствовал настроение всех членов семьи. Ко-

гда кто-то нуждался в поддержке, но умалчивал об этом, Мася подходил и обнимал. Крепко-крепко. И становилось легче.

Мася обожал старшего брата и расстраивался из-за того, что тот редко с ним играл. Но у подростка было много своих важных дел. Отец мальчишек, крупнейший в их городе бизнесмен, хотел, чтоб Святослав стал ему достойной сменой. Поэтому у мальчика было несколько репетиторов. С восьми лет он занимался английским и немецким, в одиннадцать стал учиться программированию, в тринадцать постигать основы экономики. Еще он посещал психолога и занимался гимнастикой цигун. При такой загруженности у Святослава не оставалось времени на друзей и компьютерные стрелялки. Не говоря уже о девчонках. А тут еще братик лезет со своими обнимашками...

Святослав любил рубиться в космические войны. Но отец считал, что игры на приставках превращают детей в зомби, поэтому не покупал ему их. Разрешал иногда побаловаться на компьютере. Но следил за тем, чтоб ребенок не увлекался, а свободное время посвящал чтению. И поскольку отец вечно пропадал на работе, а мама давала слабину, для контроля за Святославом был приставлен гувернер. Мстислав Васильевич Бояров. Заумный, педантичный, холодный на грани надменности, но обращающийся на «вы» и к воспитаннику (а ему было всего десять, когда Мстислава наняли), и к горничным, и к дурачку Павлику, работающему садовни-

ком. Святославу казалось, что тот прибыл к ним из прошлого и еще вчера наставлял какого-нибудь барчука, а сегодня его, современного тинейджера. Созревать парень начал рано и уже в двенадцать вступил в фазу переходного возраста. Как и любому другому подростку, Святославу хотелось больше свободы. Он упросил отца избавить его хотя бы от гимнастики. Тот пошел сыну навстречу, отменил цигун. Но вскоре отдал его на карате, а программирование заменил на высшую математику.

Чтобы заниматься тем, что приносит не только пользу, но и удовольствие, Святославу приходилось хитрить. Благо и Боярова можно провести. Когда лучшему другу Вовке родители на день рождения подарили приставку со стереоочками, Святослав, чтобы бывать у него ежедневно, выдумал, что тот заболел воспалением легких и он обязался проводить товарища и заниматься с ним. Пока мальчишки рубились в «Звездные войны», гувернер ждал Святослава в машине. Спустя час начинал звонить. Если через десять минут воспитанник не появлялся, шел за ним...

Но только не в ТОТ день.

Святослав с Вовкой играли до тех пор, пока мама друга не сказала, что им пора закругляться. Глянув на часы, ребята обалдели – три часа прошло. Глинка набрал номер гувернера, тот не ответил. И так пять раз подряд. Машины, на которой Мстислав Васильевич передвигался, у дома не обнаружилось. Святослав начал звонить родителям, у обоих было

занято. И так на протяжении четверти часа. Вовкиной маме ничего не оставалось, как везти парня домой.

Когда Святослав вошел в коттедж, то сразу услышал мамин плач. Затем крик отца и еще один мужской голос. Он звучал тихо, но твердо. По всей видимости, человек в чем-то убеждал отца. Когда Святослав прошел в гостиную, где эти трое находились, то понял, что папа разговаривает с начальником службы безопасности своей фирмы. Имени его парнишка не знал, только фамилию – Хренов. Он запомнил ее, потому что, едва услышав, подумал, что хреново быть Хреновым, в их школе его точно задрознили бы.

– Что случилось? – спросил Святослав у мамы.

Она еще горше зарыдала и убежала в комнату. Пришлось адресовать вопрос отцу. Он, помявшись немного, дал ответ:

– Похитили твоего брата. Требуют выкуп.

Святослав хотел получить больше информации, но его отправили в свою комнату, а утром увезли в какой-то пансионат. Сопровождал его не Мстислав Васильевич, а Хренов. Вернулся Святослав в родной город спустя три дня. И сразу попал на похороны Маси. Отец, как ему и велели, заплатил за жизнь сына три миллиона долларов, но его все равно убили. Когда он явился в указанное похитителями место, оно полыхало. Это был заброшенный амбар на территории огромных угодий семьи Глинки. И, когда пожар был потушен, в нем нашли останки трехлетнего мальчика...

Максимилиана.

В его похищении обвинили гувернера Святослава. Улики были неоспоримы. Мстиславу Васильевичу дали двадцать лет.

Глава 2

Они сидели друг напротив друга. Молчали.

Саид пил воду, которую попросил у старшего брата. Тот барабанил пальцами по столу. Выстукивал мотивчик. У Саида не было слуха, но он предположил, что это «Сердце красавицы склонно к измене...».

– Откуда ты приехал? – спросил Святослав, сжав пальцы в горсть.

– Из Таджикистана.

– Город?

– Я жил в поселке Навабад. Он довольно большой. Пять тысяч жителей.

– Половина из которых уехали в Россию на заработки? – криво усмехнулся Святослав. – Кажется, у вас поселок называется кишлаком?

Саид не стал отвечать. Все то время, что они находились в конференц-зале, он рассматривал брата и пытался найти сходство между ним и собой. У них одни родители, и хоть одна фамильная черта должна быть общей... Но нет! Два абсолютно разных человека. Фигура, черты лица, цвет глаз и волос – все разное. Саид гадкий утенок по сравнению со Святославом. И дело не в его худобе и неухоженности. Просто он некрасивый, а брат – да. Породистое лицо, чуть волнистые густые волосы, длинные, умеренно тонкие пальцы... Голова

правильной формы сидит на мощной кадыкастой шее, которая, в свою очередь, перетекает в широкие плечи. Саид не увидел в Святославе ни единого изъяна, пока не посмотрел на его ступни. Очень и очень маленькие для такого крупного мужчины. Размера тридцать восьмого.

– Ты в таком виде приехал? – продолжил допрос (а как его еще назвать?) Святослав.

– Нет, я был в приличной одежде, но ее украли в поезде. Как и деньги, они лежали в кармане джинсовой куртки, я забыл переложить их. Немного, двести долларов, но мне бы их хватило на первое время.

– Как же ты паспорт и зажигалку-пистолет уберег?

– Они лежали в рюкзаке, его я положил под голову.

– И где он сейчас? Рюкзак твой? Тоже украли?

– Я продал его за двести рублей, чтобы поесть горячей еды, выпить чаю и купить средство от комаров. Рюкзак был хорошим, армейским, из брезента.

– И в нем хранилась эта куртка?

– Нет, ее я подобрал у мусорных баков. Кто-то выкинул, а я взял. В рюкзаке были гостинцы для тебя. Курага, чернослив, изюм, но я съел все это, увы.

– Сухофрукты для тебя ценнее денег? Их ты под голову сунул, а доллары оставил в куртке?

– Подушки в поездах тонкие, приплюснутые, а я только на высоких спать могу, вот рюкзак и подложил. – Саид допил воду и бросил бутылку в урну. – Зачем ты задаешь мне

все эти вопросы? Ловишь меня, как следователь на допросе? Пытаешься уличить во лжи, придираясь к мелочам? Я не обманываю тебя. Ни в чем. Ни в большом, ни в малом. Я твой брат. И я приехал из Таджикистана, где провел почти всю свою жизнь. Приехал, чтобы воссоединиться.

– Чтобы доказать родство, тебе придется пройти через ДНК-тест.

– Я это понимаю и готов. А теперь задай мне самый главный вопрос: как я выжил?

Святослав наморщил свой красивый нос и, разомкнув пальцы, начал вновь выстукивать мотивчик. Через пару секунд спросил:

– Ты есть хочешь?

– Нет.

– Что, курагой и урюком насытился?

Саид тяжело вздохнул. Он понимал, что брат в полной растерянности и не знает, как себя вести, но...

Не так же!

Дверь отворилась, в проеме возник охранник Олег.

– У вас все нормально? – спросил он у Святослава. Тот кивнул. – Через час тут заседание, я пришел предупредить.

– Спасибо, – кивнул Святослав.

Махнул рукой, торопя Олега – «уходи!», а когда за ним закрылась дверь, решительно проговорил:

– Поехали в ресторан, Я не могу на тебя смотреть. Ты истощен. Даже если ты и не Маша, все равно... Я хочу тебя по-

кормить...

– А поговорить?

– Потом.

Святослав резко встал. Прошествовал к выходу походкой офицера, привыкшего к тому, что за ним следуют рядовые. И очень удивился, когда не увидел за спиной Саида. Обнаружив его на прежнем месте, хмуро проворчал:

– Чего сидишь?

– Я не могу поехать в ресторан в таком виде.

– Это я и без тебя знаю. В багажнике моей машины есть кое-какое барахлишко. Не бог весть что, но все лучше твой куртки. Пошли.

– Почему ты тянешь? Боишься услышать правду?

– Да куда я уже от нее денусь? Сам согласился на разговор с тобой... А мог бы сказать Олегу «фас», – с этими словами Святослав распахнул дверь. Толкнул ее так резко, что она с грохотом ударилась о стену. – Я и сейчас еще могу тебя сдать полиции, и тебя, как субъекта без регистрации, загребут в обезьянник, после чего депортируют. Ты этого хочешь?

– Нет.

– Тогда поднимай свою худосочную задницу со стула!

Саид встал. Едва он это сделал, Святослав вышел за дверь. Двигался он стремительно, так что Саиду пришлось ускориться. Нагнал он брата только у проходной.

Когда они покинули здание, Святослав молча указал направление, в котором двигаться. Саид шел вслед за братом,

который минут пять молчал, а потом заговорил.

– У тебя шрам есть?

– И не один.

– На груди я видел. Еще?

– Вот. – Саид задрал рукав и показал зигзагообразный шрам, похожий на молнию.

– Все?

– Нет, увы.

– Где третий?

– А какая разница?

– Ответь.

– В паху. На внутренней стороне бедра.

– Откуда он у тебя?

– Я не знаю. С детства. А что?

– Максимилиан уронил на себя кастрюлю с кипятком.

Чуть писюн не сжег.

– Выходит, мой шрам сможет доказать мою личность?

– Даже не надейся, парень. Только анализ ДНК.

Саид не стал возражать. Экспертизы он не боялся, знал, пройдет ее, но доверие брата его порадовало бы.

– Я читал, что наши родители погибли, – вновь заговорил

Саид. – Как это случилось?

– На машине разбились, – коротко бросил Святослав. – А где читал?

– В Интернете. Благодаря ему я тебя нашел.

– О, в вашем кишлаке имелся Интернет?

– Представь себе.

– Откуда ты так хорошо знаешь язык?

– Мама учила меня ему. Она при СССР работала в школе, преподавала русский язык и литературу.

– Мама?

– Женщина, которая меня воспитала. Ты должен помнить ее. Она работала горничной в нашем доме. Ее звали Чини.

Услышав это имя, брат изменился в лице. Пусть на мгновение, но оно утратило свое невозмутимость. Саид не успел уловить на нем ничего, кроме взволнованности, но и этого было достаточно. Святослав помнил Чини!

– У нас было много горничных, – проговорил Святослав, вернув на лицо привычную маску. – Возможно, среди них была и... – Он пощелкал пальцами. – Чини, так, кажется?

– А мама говорила, что вы довольно тесно общались. Ей даже казалось, ты питал к ней пылкие чувства.

– Да уж конечно, – хохотнул брат. – Вот моя тачка, пришли.

Саид плохо разбирался в сленге и современных идиомах. Но знал, что «тачка» в данном случае означает «машина». Та, которой владел Святослав, была хороша: большая, блестящая, темно-бордовая. Саид особо не интересовался автомобилями (если он и мог позволить себе тачку, то обычную садовую), но по эмблеме в виде четырех колец понял, что это «Ауди».

Святослав открыл багажник и стал в нем рыться.

– Где-то тут у меня был пакет с футболками, – бормотал он. – Купил и забыл. Ага, вот. – Он вытащил пакет с логотипом известной и, по меркам Навабада, невероятно дорогой фирмы. Многие его жители себе даже подделку под нее позволить не могли. – Еще кроссовки есть. Всегда с собой вожу на случай, если захочется пройтись. У тебя какой размер?

– Сорок второй.

– Будут маловаты, но ничего. Все лучше, чем твои... кхм... сандалии.

На Саиде были резиновые сланцы. А все потому, что его ботинки тоже украли. Они хорошими были, кожаными. Он во все лучшее оделся, когда отправился в путешествие. Вот и джинсы на нем сейчас неплохие. Не фирменные, конечно, но качественные. Сохранились они лишь потому, что он уснул в них.

– Иди в салон, переодевайся, – скомандовал Святослав. – В бардачке влажные салфетки возьми, оботрись.

– Какую из футболок я могу надеть? – уточнил Саид.

– Да какую пожелаешь. И вот еще что, носки сними. Запасных нет, но лучше обуй кроссовки без них.

Да, Саид был в носках. Он никогда раньше не носил их со сланцами, но без них он стер бы ноги, пока шел.

– Да топай уже, – прикрикнул на него Святослав.

Саид тут же скрылся в машине. Салон ее был из белой кожи. В нем чудно пахло. Парню казалось, что он оскверняет машину своим присутствием. Грязная одежда, тело, воло-

сы... Он старался мыться при возможности, но разве приведешь себя в порядок, ополаскиваясь в туалетах. Он шел вдоль трассы. По обеим ее сторонам было множество гостиниц, но у него не было денег, чтобы снять номер с ванной хотя бы на пару часов.

Изведя пачку салфеток, Саид натянул на себя футболку-поло небесно-голубого цвета. Она была велика, но не так, как куртка. Просто свободно села – плечи у него были широкими. Саид глянул на себя в зеркало и с удивлением отметил, что выглядит неплохо. Голубой цвет шел ему. К темным глазам, смуглому лицу. Саид приподнял воротник, взъерошил челку и почувствовал себя настоящим мачо. Обувшись в белоснежные кроссовки, он выбрался из салона.

– Это еще что за кошмар? – первое, что услышал он от брата. – Немедленно опусти воротник и пригладь волосы, выглядишь как дешевый жиголо на турецком курорте.

Когда Саид сделал как велели, Святослав закрыл машину и кивком пригласил следовать за собой. Пройдя метров двадцать, он остановился у заведения с названием «Алыча».

– Ресторан кавказской кухни, – бросил Святослав, толкнув дверь. – Баранину для тебя тут так приготовят, что ум отъешь. Или ты и свинину ешь?

– Не ем.

– Мусульманин?

– В мечеть ходил, но вообще я атеист. К свинине я просто не привык. У нас никто не готовил ее, даже в русских семьях

ели говядину и баранину.

– Боялись, что их камнями закидают? – вновь не удержался от колкости брат.

– Нет, просто на рынке не продавали свинину, а ехать за ней в город глупо. К тому же в дороге она, скорее всего, протухла бы. Ты наверняка знаешь, откуда пошел запрет на свинину у мусульман?

– Они считали хрюшек грязными животными?

– На территориях, где зарождался ислам, жаркий климат. А свинина – мясо скоропортящееся. Еще в нем полно паразитов, вызывающих разные инфекции. Поэтому люди травились, заболели и даже умирали. Ради их блага и ввели запрет.

За разговором они пересекли холл ресторана и устремились к одной из кабинок, больше похожей на шатер. Их пытался до нее сопроводить администратор, но Святослав отмахнулся от него. И велел сразу же прислать официанта.

– Что хочешь? – спросил брат у Саида, когда они уселись.

– Супа какого-нибудь.

– Еще?

– Я говорил, что не голоден.

– Анорексик, – покачал головой Святослав.

Значение этого слова Саид не знал, поэтому переспросил:

– Кто я?

– Ты всегда таким тощим был?

– Нет, был нормальным. Твоего примерно телосложения.

За последний месяц исхудал. Из-за стресса вес начал терять. Привычно питался, но худел.

– Курагой и черносливом?

– Пловом и мантами. Дед барашков держал, поэтому у нас с мамой всегда мясо было. Мы к нему привыкли. Ели каждый день, а не по праздникам. Когда дед умер, наш стол оскудел, конечно, но мы не голодали.

– Кстати, в меню наверняка есть хинкали, – нетерпеливо отмахиваясь от ненужной информации, проговорил Святослав. – Не манты, но похожи. Хочешь?

Саид пожал плечами. Он не чувствовал голода, но, представив, как бульон, наполняющий вместе с фаршем пирамидки из теста, брызжет ему в рот при первом укусе, мысленно облизнулся.

– Пьешь алкоголь?

– Нет.

– Свинину не ешь, не бухаешь... И хочешь убедить меня, что не веришь в Аллаха? Кстати, что с писюном? Отчекрыжена макушка?

– Если ты хочешь спросить, обрезан ли я, то мой ответ – да. Маме пришлось отвезти меня к врачу, чтоб он удалил крайнюю плоть. Я не мог быть Саидом со шкуркой.

Едва он договорил, в их кабинет ворвался официант. Светливый, говорливый, он сразу же начал раздражать Святослава.

– Если хочешь чаевых, заткнись и замри, – рявкнул он,

отобрав у парня меню. Пробежав глазами по списку блюд, он сделал заказ: – Чечевичная похлебка, салат овощной, шашлык из баранины на две персоны, баклажаны с орехами, хлебная корзина.

– Что будете пить? – робко спросил официант.

– Минералку, гранатовый сок и водку. Вот эту. – Он ткнул в строчку меню. – Ледяную. С закупоренной крышкой. А теперь брысь отсюда.

Паренек унесся.

– Сурово ты с ним, – заметил Саид.

– Я гомофоб.

– Что это значит?

– Не люблю голубых.

– А этот паренек...

– Как небо в июне, – заявил Святослав и поморщился.

Саид в отличие от брата гомофобом не был, поэтому, когда официант вернулся с корзиной, наполненной хлебом, и подносом, на котором стояли запотевшая бутылка водки и «боржоми», ободряюще улыбнулся ему. Парень тут же зачирикал:

– Салатик будет через минуту, баклажанчики и супчик следом, а шашлычка придется подождать.

Святослав тяжело посмотрел на парня. Тот, поймав взгляд, торопливо сунул поднос под мышку и нырнул под балдахин, которым был отгорожен от ресторанного зала кабинет.

– Салатик, баклажанчики, супчик, шашлычок, – передразнил его Святослав. – Уши режут эти уменьшительно-ласкательные суффиксы. – Он взял бутылку и скрутил с нее крышку. – Давай выпьем.

– Я же сказал, что не употребляю. – отрицательно покачал головой Саид.

– Я тоже... – вздохнул Святослав. – Точнее, употребляю редко и никогда в первой половине дня. Но сейчас нужно.

– Ты же за рулем.

– Не проблема.

– Поедешь пьяным? – испугался Саид.

– Вызову трезвого водителя.

Святослав взял стаканы, предназначенные для воды или сока, и стал разливать в них водку. Саид с ужасом на это смотрел. Нет, он слышал, что в России мужики глушат алкоголь стаканами, но где-нибудь в подворотне и алкаши, а не миллионеры в дорогих ресторанах. К счастью, брат налил не по целому. И все равно получилось много – где-то сто пятьдесят миллилитров.

– Ну, давай выпьем! – Святослав подвинул один стакан Саиду, второй взял в правую руку. – Без тоста. Залпом.

– Я не смогу.

– Будь мужиком, – сказал Святослав и опрокинул стакан.

Саид, помявшись, сделал то же самое. Водка, пусть и ледяная, обожгла горло.захотелось ее выплюнуть, но это за столом непозволительно. Пришлось проглотить. Огонь распро-

странился. Теперь жгло и желудок. Саид закашлялся. Святослав протянул ему хлебную палочку, проговорив:

– Закуси.

Саид мотнул головой и припал к бутылке с минералкой.

Вновь появился официант. Поставил на стол салат и сок в графине. Ничего не сказал, тут же скрылся.

– Ты правда никогда не пил? – спросил Святослав, нанизав на вилку помидор черри и отправив его в рот.

– Было раз. В юности перебрал с друзьями молодого вина. Домой принесли. Мама плакала. Я ничего не помню о том дне, только это... Тогда я дал себе слово больше не пить, чтоб не видеть ее слез.

Саид почувствовал, как защипало глаза. Резко наклонился, сделав вид, что желает потуже затянуть шнурки на кроссовках.

– Чини умерла? – услышал он голос брата.

– Пять недель назад, – ответил Саид сипло. – А перед смертью открыла мне правду.

Он продолжал теревить шнурки до тех пор, пока в кабинку не зашел официант. Увидев его ботинки, Саид выпрямился.

– Ваш супчик, – улыбнулся ему паренек. Баклажанчики же поставил на стол молча.

– Поешь, – мягко проговорил Святослав.

Саид снял крышку с горшочка и окунул в него ложку. Вариво было густым и ароматным. В животе заурчало.

– Горячо, – пробормотал Саид, попробовав похлебку.

– Подуй, – улыбнулся брат. И Саид вдруг вспомнил, как делал это в детстве. Ему так нравилось дуть на все, что он даже над ложкой со сметаной вытягивал губы трубочкой и выпускал воздух. – Когда-то мой брат...

– Да, дул на все. Ты меня этому научил.

Святослав как будто смутился. Отвел взгляд от лица брата и тут же вперил их в баклажаны.

– Выглядят аппетитно, – сказал он и принялся поедать закуску.

– Она спасла меня, Святослав.

– А? – Брат оторвался-таки от баклажанов.

– Чини. Горничная семьи Глинки.

– Тогда кто сгорел в том сарае?

– Ее сын. Саид.

– Она его спалила, чтобы ты выжил? – с ужасом проговорил Святослав.

– Думай, что говоришь, – вскипел Саид. Водка ударила в голову, и впервые за свою сознательную жизнь он понял тех, кто под хмелем бьет кому-то рожу.

– Эй, спокойно. Я не хотел никого обидеть. Просто не понял... – Святослав потянулся к бутылке.

– Мама была святой женщиной. И если бы я верил в рай, то ни на миг не усомнился бы в том, что она сейчас там.

– От чего она умерла? Молодая такая? Ей от силы было лет пятьдесят.

– Сорок восемь.

– Рак?

– Нет, сердце не выдержало. У мамы проблемы с ним начались давно, я тогда классе в пятом учился. Я слышал, в России есть поговорка – все болезни от нервов, только срамные от удовольствия.

– Если дословно, то триппер.

– Мамина хвороба точно от нервов была.

– Какие ты слова знаешь... Хвороба, надо же. У нас уже никто их не употребляет.

– Я учился русскому на классической литературе. Поэтому многие слова, что употребляете вы, современные россияне, особенно молодые, мне незнакомы. – Саид увидел, что Святослав снова наливает водку, и запротестовал: – Нет, мне хватит, я больше не буду.

– Помянем Чини. У нас принято за упокой души пить. И делают это даже атеисты. Традиция, понимаешь?

Саид тяжело вздохнул. У него еще после первого стакана все внутри полыхало, даже похлебка не помогала, и перед глазами начал образовываться туман... Но традиции есть традиции. Нужно соблюдать.

– Что нужно сказать, прежде чем выпить? – спросил Саид, взяв стакан в руку. Во второй он зажал с стакан с соком, чтобы запить водку.

– Сначала встать. – И первым поднялся. Саид последовал его примеру. – Пусть земля тебе будет пухом, Чини, – выпал

лил он и влил в себя водку.

Саид повторил. И слова, и действия. Потом опустился на диван и стал доедать похлебку. Когда горшочек опустел, Саид вытер салфеткой не только руки, но и лицо. Ему стало жарко – то ли от водки, то ли от похлебки, и пот струился по его телу. Зато желудок успокоился: ни жжения, ни голодного урчания...

– Вижу, поплыл, – услышал он голос брата.

– Да, есть немного, – отозвался Саид.

– Значит, пришло время рассказать тебе свою историю.

Начинай...

И Саид начал.

Глава 3

Прошлое...

Маленький мальчик сидел на руках молодой женщины и тарасил огромные, полные слез глаза в окно. Он не понимал, куда его везут. Они провели двое суток в поезде, где было жарко, как в топке, где воняло потом, гнильем, рвотой, а людей набилось столько, что были заняты даже третьи, багажные полки плацкартного вагона.

– Чини, я пить хочу, – жалобно проговорил мальчик. Буква «Ч» ему пока не давалась, и это прозвучало как «Тини, я пить хотю...».

– Знаю, Мася, потерпи. Будет остановка, я куплю воды.

– Но я хочу сейчас, – захныкал Мася.

Пожилая женщина, сидящая на боковой полке, протянула Чини эмалированную кружку, в которой было немного воды. На адской жаре всем хотелось пить, и жидкость быстро заканчивалась. Естественно, ее можно было купить в вагоне-ресторане или у проводника, но втридорога. В плацкартах же ехали люди, у которых на счету была каждая копейка. Чини поблагодарила сердобольную старушку и напоила Масю. Жажда мучила и ее, но когда становилось нестерпимо, женщина делала несколько глотков воды из-под крана в туалете. Когда же она дала ее Масае, у того начался понос и рези в животе.

– Хочу к маме, – продолжал капризничать измученный ребенок. – Где она?

– Далеко, но ты скоро ее увидишь.

– Мы едем к ней?

– Да.

– И к Сьяве?

– И к Славе. – Старший брат Максимилиана никому не разрешал сокращать свое имя. Настаивал на том, чтоб его называли Святославом. Но брату позволял, добавляя, что поблажка действует до тех пор, пока малыш не научится выговаривать все буквы. – А теперь поспи.

– Не хочу. Хочу к маме. И пить... Дай мне еще водички.

Чини прижала его головенку к своей груди и стала укачивать. До следующей станции еще полтора часа как минимум. Но поезд еле-еле плетется и может где-нибудь встать. Если это случится, придется идти за водой к хапуге-проводнику. Мальчик все же уснул. Задремала и Чини. Но когда открыла глаза, оказалось, что они стоят среди степи, и ее попытка сэкономить провалилась.

...Саид не помнил тех мучительных трех суток, что провел в дороге. Детская память – короткая. То, как они приехали к родителям Чини и как неприятливо их встретили, тоже из нее выветрилось. Осознавать себя мальчик начал в пять. Он уже был обрезан, отзывался на имя Саид и называл Чини мамой. По-таджикски он говорил лучше, чем по-русски, и был уверен в том, что добрый дед, равнодушная

бабка, злая тетка, смотрящие на него свысока кузены – его настоящие родственники. Много лет спустя, когда Саид сидел у кровати умирающей матери, она рассказала ему о том времени. И всю правду о себе.

Она была любимицей отца, Юсупа. Самой красивой и умной из всех его дочерей, а их у него было пять. И только один сын. Последыш. В поселке мужчине сочувствовали. Понимали, как трудно ему будет всех девушек замуж выдать. Каждой нужно приданое собрать. Как минимум ткани, ковры, домашнюю утварь, украшения. Без этого никак, но и с этим могут не взять. Только на счет Чини никто не сомневался, все были уверены, что она точно найдет себе лучшего жениха в округе. На нее виды многие парни имели. В том числе из зажиточных семей. Удачное замужество могло избавить от бедности не только Чини, но и всю ее семью, и отец надеялся на нее. Однако не давил. Когда к дочери посватался сорокапятилетний вдовец, единственным достоинством которого было его благосостояние, и Чини его отвергла, он не стал ее принуждать. Хотя мог бы. Его девочка достойна не только достатка, но и любви. Одного требовал – найти единове́рца. Когда Чини училась в педагогическом техникуме, то дружила с русским мальчиком. Он был сыном очень большого человека и мог составить ей прекрасную партию, но Юсуп поставил ему ультиматум – или принимаешь ислам, или забываешь о Чини навсегда...

Мальчик ислам не принял. А уж забыл ли о Чини – поди

узнай. Но больше они не встречались.

Когда любимая дочь представила отцу мужчину своей мечты, Искандера, он был разочарован. Хотя избранник Чини на первый взгляд во всем соответствовал представлению об идеальном спутнике. Красивый таджик тридцати двух лет, у которого водились деньги. Он приехал, весь разодетый, на дорогой машине, привез подарков каждому члену семьи и сообщил Юсупу, что имеет серьезные намерения. Но с родителями своими познакомиться не мог, поскольку они жили далеко. И о том, чем зарабатывает на жизнь, говорил как-то невнятно. А еще он собирался уехать в Россию и взять жену с собой.

– Мне он не нравится, – честно признался дочери Юсуп, когда она спросила, что он думает о ее женихе.

– Но почему? – удивилась тогда Чини. – Он мусульманин, подходит по возрасту. Ты ведь всегда считал, что супруг должен быть чуть постарше, но не годиться в отцы. Искандер хорошо зарабатывает и мечтает о крепкой семье... И хочет образовать ее со мной, а не с кем-то еще.

– Ты – лучшая, – упрямо проговорил отец.

– Для тебя.

– Не только.

– Да, возможно, в нашем поселке я считаюсь завидной невестой, но он из Душанбе. В столице таких, как я, тысячи. А сотни – лучше меня. Они изысканны, лучше образованны, за них дают большое приданое. Не две подушки и фарфоро-

вый сервис, как за меня, а квартиры и машины.

– Вот пусть они, столичные, между собой и женятся. А мы тебе хорошего парня в поселке найдем.

– Поздно, папа.

– Ты что, уже отдалась ему? – гневно вскричал Юсуп и замахнулся. Он никогда не поднимал руку ни на жену, ни на дочек, чем вызывал недоумение односельчан, но есть вещи, за которые даже он побил бы.

– Нет, что ты, – поспешила успокоить его Чини. – Я берегу себя, как и положено. Просто если я не выйду за него, то останусь старой девой. Как наша Барфи.

Так звали старшую дочь Юсупа. Старшая его дочь в свои тридцать до сих пор жила с родителями. А все потому, что договорной брак сорвался. Ее еще в колыбели просватали сыну троюродного брата матери. Но когда он вырос, то заявил, что не те времена, чтобы жениться по воле предков и непонятно на ком. В итоге сочетался узами брака с этнической немкой, когда служил в Казахстане, и уехал с ней в Германию. А Барфи осталась верной уговору. Ждала, когда жених одумается... Вот уже восемь лет.

И отцу ничего не осталось, как дать согласие на брак Чини и Искандера. Потому что Чини слов на ветер не бросала.

Была скромная свадьба, на которой со стороны жениха присутствовали только два друга. Зато за Чини заплатили большущий калым. А пресловутые подушки и фарфоровые тарелки жених не взял. Сказал, другим дочкам оставьте.

Молодые уехали в Душанбе спустя сутки. Там провели месяц. Жили на съемной квартире, и обживать ее Чини муж запретил. Как и устраиваться на работу – потому что скоро уезжать.

Весь день Искандер где-то пропадал: занимался делами. Чини ждала его, готовя вкусный ужин и вылизывая до блеска арендованное жилье. Ей было тоскливо, поэтому известие о переезде она восприняла радостно – в Москве она никогда не была. Но, как учитель русского языка и литературы, всегда мечтала об этом. Хотелось познавать культуру и историю, ходить по музеям, галереям, театрам, просто прогуливаться по улицам, наблюдая за людьми и беседуя с ними, пробовать неведомые продукты: маринованные грибы, квашеную капусту, копченые щучьи головы – эти вкусности со вкусом описывали в своих произведениях и Толстой, и Гоголь, и Салтыков-Щедрин. Чини составила список мест, которые хотела бы посетить в Москве. Начиная от Третьяковской галереи, заканчивая подвалом, где собирались первые советские панки.

Но ее даже на Красную площадь не отвезли. На московском вокзале сразу пересадили из поезда в поезд и отправили в другой город.

Он тоже был большим, старинным и красивым. И в нем имелся кремль, не говоря уже о музеях и театрах, но Чини не разрешали выходить из квартиры без повода. Повода было два: поход в магазин и доставка пакета с отходами до му-

сорного бака. Однажды Чини послушалась и отправилась на прогулку. Всего-то лишь прошлась по пешеходной улице и заглянула в Музей народных промыслов. Но когда возвращалась домой, ее остановила милиция для проверки документов. Когда оказалось, что их при Чини нет, а те, что она имеет, не дают ей права проживания на территории Российской Федерации, она поняла, что муж ее не самодур, который хочет засадить ее в клетку, – он пытается оградить ее от неприятностей.

Прозрела Чини спустя год, когда родился Саид. Мальчика нужно было регистрировать, и супруг сделал это самостоятельно. Взял справку из роддома, паспорт Чини и оформил свидетельство, не подключив к этому жену. Оказалось, у него имеется не просто временный вид на жительство, а российское гражданство. То есть Чини была той самой птичкой в клетке. Пусть и любимой. В том, что супруг обожает ее и не видит рядом с собой никакую другую женщину, Чини по-прежнему не сомневалась. Но она нужна была ему не просто послушной – бесправной.

Чини впервые устроила мужу скандал. Сказала, что если он не позаботится о том, чтобы и она получила легальный статус, то уйдет от него... Вместе с ребенком. Тот пообещал все исправить, но... Обманул. Чини не просто не получила российского гражданства, она осталась и без таджикского паспорта. Муж спрятал его, чтобы она никуда от него не делась, но это выяснилось позже...

Они прожили вместе еще полгода. Чини все еще любила супруга, но уже не доверяла ему. И когда пелена с глаз спала, она поняла, что вышла замуж за преступника. Чем конкретно промышлял Искандер, Чини не выяснила. Склонялась к тому, что наркотиками. Поставлял их из Таджикистана. А может, не только их. Или не их вовсе. Но что легальный бизнес по транспортировке фруктов и овощей всего лишь прикрытия для теневого, это было очевидно. Выходя на базар, Чини разговаривала со своими соплеменниками, что торговали дынями и помидорами, привезенными из Таджикистана. Вкальывая с утра до вечера, они зарабатывали хорошо лишь по меркам Навабада. Тогда как муж Чини всегда был при больших деньгах. Он снимал отличную квартиру, ездил на машине бизнес-класса, одевался в бутиках, пировал в ресторанах (Чини находила в его карманах чеки, визитки, дисконтные карты). На подарки жене и сыну тоже не скупился. У Чини было столько золота, что оно не умещалось в шкатулку. А игрушки Саида занимали половину детской. Пока молодая жена доверяла мужу, она принимала байку об успешной транспортной компании как должное. И когда к благоверному приходили в гости друзья, слыша «на таможне возникли проблемы с товаром», представляла себе ящики с хурмой и коробки с алычой.

Неприятности у супруга начались, когда Саиду исполнилось восемь месяцев. Искандер стал являться домой нервным, закрывался в комнате и постоянно висел на телефоне.

Чини подумала было, что у него роман на стороне, но нет. Проблемы были посерьезнее... С товаром на таможне. И еще с кем-то из конкурентов. Муж ничего не объяснял Чини до тех пор, пока в их квартиру не вломились. Хорошо, что никого дома не было. Чини гуляла с Саидом в сквере. Вернулась домой и увидела разгром. Позвонила мужу. Тот тут же примчался. Да не на «Мерседесе» – его сожгли, а на убитой «десятке». Когда Чини собралась вызывать милицию, муж ее остановил.

– Не нужно привлекать к нашей проблеме органы, – сказал он.

– Но в наш дом ворвались! – Чини от одной мысли, что кто-то рылся в их вещах, становилось не по себе. А ведь эти люди могли и подкарауливать их... – Разве не в таких случаях вызывают милицию?

– Я все решу.

– Как?

– Это не твоя забота.

– Я устала быть беззаботной, – твердо заявила Чини. – Объясни мне, что происходит.

– Проблемы у меня, – признался Искандер. Но тут же добавил: – Временные. И я теперь понимаю, что лучше от них скрыться.

– Ты же сказал, что все решишь.

– Да, но позже, когда все немного утрясется...

– Что делать мне?

– Собираться. Мы уезжаем.

– Куда?

– Не могу сказать точно. Как получится.

– Ты хочешь обречь жену и грудного ребенка на скитания?

– Ты все еще ему сиську даешь? – попытался, видимо, от-

влечь Чини Искандер. – Пора отучать.

Но Чини не дала себя отвлечь, не обиделась на грубость.

– Мы никуда не поедem, – решительно заявила она.

Тогда Искандер впервые ее ударил. Не сильно, и все же...

Побои не только и не столько физическую боль причиняют.

Чини всего лишь вlepили пощечину, а ей показалось, что в

сердце воткнули иглу и она уже никогда не может дышать с

той же легкостью, что и прежде.

– Немедленно собирай вещи, – рявкнул муж и ушел в кух-

ню звонить.

Чини послушалась, и через час они с минимумом вещей

загрузились в машину.

Ехали недолго, где-то час. Остановились в ближайшем к

городу селе. Четыре улицы, полуразрушенная церковь, мага-

зин. Дальше – болота. Тихое место. Искандер привел жену,

у которой на руках спал Саид, в дом. В нем уже жили люди.

Двое мужчин, три женщины и куча ребятишек. Когда Чини

только зашла, то не поняла, сколько их. Потом оказалось,

пятеро. Все друга Искандера – Хаяда. Он был частым гостем

в их доме. Две женщины тоже были его: старшая и младшая

жена. Третья – подруга второго мужчины. Его Чини не знала.

Но подивилась тому, что с ним русская девушка. Золотоволосая, полная, белотелая, с глазами-плошками голубого цвета, по мнению худой и чернявой таджички, невероятно красивая. Зачем ей скитаться вместе с тем, кто ей даже не муж, а всего лишь сожитель? Нашла бы себе достойного русского парня, родила бы таких же щекастых, белобрых деток...

Именно с ней, а не с женами Хаяда она подружилась. Звали красавицу Аленушкой, как сказочную героиню. И сообщила она Чини о том, что их мужчины пытались вытеснить дагестанскую наркомафию (то есть муж на самом деле наркотиками занимался – не ошиблась Чини в своих догадках), но потерпели поражение. Сейчас думают договориться с местной. В обмен на защиту предлагают товар по сниженной цене.

Когда Чини немного отошла от шока и все переварила, то поняла, что нужно бежать. Спасать себя и сына. Потому что в конечном итоге мужчин убьют. Дагестанская мафия или русская, неважно. Возможно, милиция. А вместе с ними пострадают женщины и дети. Но у нее нет ни денег, ни паспорта. Свидетельство о рождении Саида тоже у Искандера. Золото, что муж подарил, он же и отобрал. Продать нечего. Но это ладно. Можно у отца попросить помощи. Стыдно, но что делать? Он по всему поселку пройдет, одалживая по малости, но пришлет денег. Только как она их получит, не имея документа?

Замкнутый круг...

Прошла неделя. Мужчины постоянно где-то пропадали, а женщины сидели в доме, ожидая их. Готовили, стирали, смотрели за детьми. Их как будто ничего не беспокоило. Даже Алenuшку. Она всем была довольна. Ей нравилось то, что ничего самой решать не надо. Как и работать. В колхозе, в котором она родилась, ее с малых лет заставляли коровий навоз убирать или брюкву прореживать. Как лето, так девочку отправляли на заработки. Чтоб хоть копеечку в дом приносила. И это не считая того, что ежедневно она за курами да гусями ходила и огород поливала, таская воду из колодца. А Алenuшке хотелось на мягких перинах лежать да чай с вареньем пить.

Вскоре мужчины уехали. Куда – не сказали. Когда вернуться, тоже. Женщины, довольные тем, что им оставили вполне приличную сумму на расходы, этим и удовлетворились. А Чини не могла сидеть сложа руки, поэтому нашла работу. Через поселок проходила трасса, и по ней, пусть и не сплошным потоком, ездили машины. Кому-то пришло в голову открыть придорожное кафе. Туда-то Чини и устроилась посудомойкой и уборщицей. За труд свой брала ежедневную плату. Малую, да. Но копеечка к копеечке... А там, глядишь, и рубль.

Пока она трудилась, за Саидом приглядывала Алена. Делала она это с удовольствием. Ей нравился сын Чини. Впрочем, как и всем. Он был красивым настолько, что никто не обращал внимания на его капризы. Оба родителя Саида име-

ли привлекательную внешность, но мальчик уродился просто идеальным. Картинка, а не ребенок. Гуляя с ним, Чини всегда привлекала внимание. К ней подходили люди разных возрастов и полов и сюсюкали с малышом. Он улыбался им и мило гугукал, а дома устраивал матери истерики. Чини не сомневалась в том, что растит будущего артиста.

Мужчины отсутствовали месяц. Вернулись сумрачные. Но зато живые. Велели готовиться к очередному переезду. Женщины безропотно взялись за сборы. На которые им выделили три дня.

Чини надеялась, что они вернуться на родину, но нет. Искандер считал, что в России их ждут великие дела, нужно только подождать, когда закончатся неприятности...

Но Чини не верила в это. Уже на следующий день она увидела братков славянской внешности на джипе неподалеку от кафе, в котором работала. Они искали «чурок». У двоих под куртками были пистолеты.

И Чини решилась!

– Я хочу убежать вместе с Саидом, – поделилась она своими планами с подругой.

– Куда? – вытаращила на нее свои голубые глаза Аленушка.

– Не знаю. Все равно.

– Но у тебя же нет паспорта. И свидетельство о рождении Саида у мужа.

– Убегу без документов. В худшем случае меня депорти-

руют.

– А в лучшем? Будешь бомжевать с ребенком? Не лучше ли остаться при муже?

– И попасть под пулю? – резонно заметила Чини. – Или сгореть? Машину уже сожгли, а если и дом запылят? Нет уж. Я могу найти работу в какой-нибудь богатой семье. Буду убираться в доме или следить за детишками. Денег немного попрошу, главное, чтоб кров и еду нам с Саидом предоставили. Со временем восстановлю документы...

– Я не решилась бы на такое, – призналась Аленушка.

– Родишь ребенка и поймешь, что главное – это защитить его.

– И когда ты собралась бежать?

– Завтра, когда мужчины уедут, – поделилась своими планами Чини. – Я сейчас соберу все необходимое и перенесу в кафе, чтобы выйти налегке, как будто погулять с Саидом. Прикроешь меня?

– Конечно, подруга.

Тем же вечером, когда Чини вернулась домой, муж встретил ее ударом кулака в челюсть. Когда она упала, Искандер пнул ее в живот. Затем еще раз и еще...

– Тварь, – прорычал он. – Сына решила у меня украсть? – Очередной удар пришелся по спине. – Сука!

Краем глаза Чини увидела Аленушку. Она не то чтобы была довольна, но и расстроенной не выглядела. Просто стояла и смотрела на то, как избивают ее «подружку». Она сра-

зу положила глаз на красавца Искандера и все думала, как увести его от жены. И Саида она любила. Своих детей после трех аборт, последний из которых был сделан на дому, Аленушка иметь не могла, а очень хотела. И вот судьба дала ей шанс! Теперь у нее и мужчина шикарный, и красавец сынок.

Больше Искандер супругу не бил. Перевернув на спину, плюнул в лицо и ушел в комнату. Чини потеряла сознание, а когда очнулась, в доме никого не было.

Она попыталась встать, не получилось. Поползла. Дышала с трудом и выла от боли. Смогла выбраться из дома, но на этом ее силы иссякли...

Чини выходила соседка. Ее куры сбежали, она пошла искать их, а наткнулась на бесчувственную девушку с окровавленным лицом. Подняла на руки, она крупной женщиной была, и к себе в дом отнесла. И вовремя! Потому что в ту же ночь в дом бандиты ворвались. Никого не найдя, разозлились. Побили окна, снесли двери. Попадись им Чини под горячую руку, неизвестно, чем бы для нее все обернулось.

Оклемавшись, Чини вернулась к работе. Теперь она в кафе круглосуточно находилась. В нем и спала, а больше нигде. Там-то ее и встретил Иван Глинка.

Он ехал в машине к себе в загородный дом, пил кофе, ел пиццу. Увлёкся и не заметил собаку, перебегающую дорогу. К счастью, в последний момент успел затормозить.

Пес остался жив. Но кофе выплеснулся на рубашку, а пицца шлепнулась на штаны. Увидев кафе, Иван затормозил возле него, чтобы посетить туалет и там привести себя в относительный порядок.

Его как раз мыла Чини. Увидев, что приключилось с женщиной, она сбегала за водкой.

– Я за рулем, – обалдело проговорил он. Ладно, ему предлагают снять стресс спиртным, но почему в туалете?

– Залить нужно пятна на брюках. Вы салфеткой сначала отряхните их, потом водку нанесите.

– Спасибо, – поблагодарил ее Глинка.

– А рубашку вам лучше снять, я ее замою, пока кофе не въелся.

– Да пес с ней, – махнул рукой Иван.

– Красивая, жалко, – жалостливо сморщила смуглое личико Чини.

Иван коротко рассмеялся, но рубашку снимать не стал, у него полон шкаф их. Потом расплатился за водку и купил сердобольной барышне огромную коробку конфет.

– Как зовут тебя, красавица?

– Чини.

– И что означает?

– Фарфор.

– Тебе идет. Ну, пока, фарфоровая куколка.

И уехал к себе. А через неделю вернулся, чтобы забрать Чини к себе в особняк.

Ей было хорошо в имении Глинки. К ней с душой относился не только хозяин Иван, но и хозяйка Клементина. И все равно Чини страдала. Она тосковала по сыну и переживала за него. Ее отрадой стал сын Ивана и Клементины Максимилиан. Он был младше ее Саида. И ничем на него не походил – ни внешностью, ни характером, но она потянулась бы к любому мальчишечке... А этот еще был и очень славным. Не таким, как ее сын. Тот, чуть не по его, закатывал истерики, кидался игрушками, плевался кашей, этот был само спокойствие. Если Саида Чини в будущем представляла артистом, то Максимилиана философом.

Госпожа Глинка собиралась нанять для него няню, но, видя, как замечательно с ее сыном справляется горничная (с педагогическим образованием), решила, что обойдутся и без нее. А чтобы Чини не перетруждалась, работая по дому, ей в помощь наняли еще одну женщину.

С тех пор как девушка покинула Таджикистан, она не видела родных. Но поддерживала с ними связь. Регулярно писала письма, а звонила редко – дорого. Тем более телефона в доме Юсупа не было, только у соседей.

О своих неприятностях Чини родне не сообщила. Даже о том, что Искандер отобрал у нее сына и скрылся, умолчала. Ее послания были радостными, оптимистичными и насквозь

лживыми. Ей было стыдно признаваться в том, что она выбрала в мужа самого неподходящего мужчину. Не послушалась отца... дура! Уж лучше бы за вдовца пошла... Он вскоре после отъезда Чини женился на одной из ее сестер. И она была если не счастлива, то довольна. Растила его ребятишек от первого брака, своего родила...

Чуть меньше трех лет провела Чини в доме Ивана Глинки, когда ей позвонил отец – она оставила ему номер на экстренный случай. Испугалась. Подумала, что с кем-то из близких беда приключилась. Но нет, все были живы и здоровы. А звонил отец, чтобы передать «привет» от Искандера.

– Сегодня телеграмма пришла от муженька твоего. Просил он меня с тобой связаться и номер телефона передать. Записывай.

– Сейчас, только ручку поищу... – Она забегала по дому с трубкой радиотелефона.

– Что ж ты не сказала, что не вместе вы? – горестно спросил отец. – Врала зачем-то...

– У нас временные трудности. Все наладится.

– Временные? Ты мне этот номер оставила два с половиной года назад, а Искандер его не знает.

– Все, нашла, – не стала вдаваться в объяснения Чини. – Диктуй.

Когда цифры были записаны, Чини тут же хотела отключиться, чтобы набрать их, но пришлось минуты три заверять отца в том, что у нее все хорошо. Когда их прервали (Юсуп

звонил с телеграфа), она торопливо ввела номер. Ей не ответили. Повторила звонок через пять минут, опять тишина. Чини весь вечер бегала к телефону, пока не довела себя до истерики. Она рыдала в кладовке, когда в нее заглянул Святослав.

– Что тут за потоп? – спросил парень. Чини неплохо к нему относилась, хотя, по ее мнению, он был слишком дерзок со взрослыми. Особенно с матерью. Ей Святослав тоже грубил и мог довольно жестко разыграть, но Чини когда-то работала в школе, а потому знала, что мальчишки зачастую так демонстрируют свою симпатию. А что старший сын Ивана к ней неровно дышит, можно было не сомневаться.

– Я не могу дозвониться до мужа, – всхлипнула Чини и швырнула на пол скомканную бумажку с номерами телефонов.

– Так он же у тебя объелся груш, – удивился Святослав. – Или нет?

– Передал через отца свой номер, а сам трубку не берет, – призналась Чини.

Святослав подобрал бумажку, развернул.

– Это номер сотового. Ты как его набирала?

– Как написано.

– Надо было восьмерку подставить. – Он вынул из кармана широченных джинсов мобильник. – Держи, звони.

Но трубку снова не взяли. Чини приготовилась излить очередную порцию слез, но Святослав встряхнул ее.

– Не ной, прошу! Тоже мне трагедия...

– Ты ничего не понимаешь. Мой сын у него.

– Да знаю я твою историю, – пробурчал он. – Твой муж ни от кого не скрывается?

– Не знаю. Возможно.

– Боится незнакомых номеров. Надо написать эсэмэс. Сообщить, что это ты. Сейчас, – с этими словами Святослав быстро набрал текст. И уже через минуту раздался звонок от Искандера.

Говорили недолго. Муж сказал, что хочет увидеться. Назначил встречу на завтра. Место выбрала Чини – в кафе, где она когда-то работала. Оно все еще существовало.

– Спасибо тебе огромное, Святослав, – проговорила Чини с чувством. – Что бы я без тебя делала?

– Покажи сиськи – и будем в расчете, – ухмыльнулся подросток.

В этом был весь он, Святослав Глинка.

На следующий день Чини на автобусе доехала до нужной остановки, зашла в кафе, заказала чаю. Потом еще и ватрушку – Искандер опаздывал. Явился он через полчаса. Сразу увел Чини из кафе и усадил в машину. Не «Мерседес», но и не развалюха – приличная тачка. Одет муж тоже был хорошо. А золота на нем стало еще больше, даже во рту оно поблескивало. Но выглядел Искандер плохо. Обрюзг и постарел. Набрякшие под глазами мешки говорили о том, что он много пьет.

– Как Саид? – первое, что спросила Чини.

– Нормально.

– Я думала, ты привезешь его.

– Он простыл, температурит.

– У тебя есть фото? – с волнением спросила Чини.

Муж достал бумажник, а из него снимок. Саид стал еще красивее. Только мало вырос и был очень худеньким.

– Ты что, его не кормишь? – ахнула Чини. – Посмотри, какие у него ручки... Как веточки. И щечки впали.

– Накормишь его, – хмуро проговорил Искандер. – Это не буду, то не буду.

– Когда я смогу его увидеть?

– Об этом я и хотел... – Он тяжело вздохнул. – В общем, понял я, что нехорошо поступил с тобой. Да и с ним... Ребенку нужна мама, а не какая-то там... тетя.

– Ты все с Аленушкой?

– Та русская шлюха бросила меня, – прорычал Искандер. – Променяла на совладельца сельхозрынка.

– А ты ждал верности от женщины, которая из одной койки прыгнула в другую, да еще выпихнув из нее законную жену?

– Не надо морали мне читать... – огрызнулся Искандер. – А то передумаю.

– Молчу, – испугалась Чини.

– Завтра у меня дела. Давай послезавтра я тебе привезу Саида. Где ты живешь?

– В деревне Приозерье.

– Это где имение Ивана Глинки?

– Да. Я работаю у него горничной.

– А он не будет против ребенка?

– Не думаю. Он очень хороший. Но если откажет, я уеду с Саидом домой.

– Хорошо, договорились, – кивнул Искандер. – Только давай встретимся не на глазах у всей деревни.

– Что, опять тебя кто-то ищет? – поинтересовалась Чини.

Муж тяжело посмотрел на нее и ничего не ответил.

– Ладно, когда въедешь в деревню, сверни с главной дороги в лес. Есть накатанная колея, не ошибешься, – теперь уже Чини диктовала условия. Пусть незначительные, но все же. – Доберешься до речки, увидишь заброшенный амбар. Возле него я буду тебя ждать.

На том и порешили.

Вернувшись в имение, Чини первым делом бросилась к хозяйке. Заливаясь счастливым смехом, сообщила ей о том, что муж надумал вернуть ей сына.

– Это просто замечательно! – порадовалась за нее Клементина. – У Маси появится друг-ровесник.

– То есть вы не против, что я привезу Саида? – осторожно переспросила Чини.

– Конечно, нет.

– А хозяин?

– Чини, – улыбнулась Клементина, – мой муж обожает де-

тей. И тебя. Но особенно меня, поэтому, даже если он заартачится, я всегда смогу его уговорить.

– Можно я возьму пару выходных? – окончательно осмелев, попросила Чини. – Хочу походить по магазинам, взять игрушки, какую-то одежду для сыночка. Да и себя порадовать. Я не тратила деньги, что вы мне платили. Пора шикануть.

– Тогда я тебе еще и премию дам, – радостно сказала Клементина. – Гулять так гулять!

* * *

Утром следующего дня Чини отправилась в город в таком потрясающем настроении, в каком не пребывала очень и очень давно. Она сходила на художественную выставку, прогулялась по кремлю, поела в «Макдоналдсе» (давно мечтала), потом отправилась в торговый центр, а не на рынок и накупила подарков Саиду. Но не забыла и о себе. Спасибо Клементине за премию! Благодаря ей Чини смогла приобрести брючки, блузку и ботинки на каблукке.

Она так увлеклась прогулками и покупками, что последний автобус в Приозерье пропустила. Переночевала у женщины, что ее выходила – до поселка, в котором они когда-то обитали с Искандером, Саидом, Аленушкой и прочими, доехала на последней маршрутке, дальше никак... Та была рада гостье.

Вернувшись в имение, Чини узнала страшную новость – похищен Масы. За него требуют выкуп в три миллиона долларов. Сумма огромная, но Глинка собрал ее в срок и повез в указанное место.

Как бы Чини ни переживала за своего воспитанника, но о своем сыне не забывала. Ей не терпелось поскорее воссоединиться с ним. Поскольку в доме творилось что-то невообразимое, она просто ушла, никому об этом не сказав. Дорога до амбара занимала где-то минут двадцать. Но Чини шла дольше, потому что перла с собой все подарки. Она решила отвезти Саида в дом женщины, у которой ночевала. У Глинки сына похитили, а она своего приведет? Нет, не время. Нужно подождать Масиново возвращения.

На сей раз Искандер не опоздал, а приехал раньше. Вышел из машины и сразу направился к жене, сидящей на пакете с детскими вещами, в обнимку с плюшевым зайцем и с роботом в руке. По его лицу Чини поняла – что-то не так.

– Ты не привез Саида?

– Привез. Он в машине спит.

– Слушай, планы немного изменились, – проговорила Чини. – Я хочу с сыном сейчас поехать в поселок, где мы когда-то жили. Там женщина есть хорошая, соседка наша бывшая...

Искандер не слушал. Шарил по карманам, что-то доставал.

– Вот свидетельство о рождении Саида, – прервал ее

муж. – Твой паспорт. И немного денег. Больше нет, про-
сти... – Он сунул Чини документы и несколько купюр. – От-
везти тебя никуда не могу. Мне нужно срочно уезжать из об-
ласти.

– Во что ты опять вляпался? – спросила Чини.

– Не твое дело. Пошли, заберешь сына.

Он чуть не бегом бросился к машине. Распахнув заднюю
дверку, Чини склонилась над спящим ребенком. Тот был
бледен, как будто сильно нездоров.

– Саид все еще хворает? – всполошилась Чини.

– Да, но уже идет на поправку.

– Не похоже...

Искандер взял Саида на руки и передал его Чини.

Он оказался таким легким! Мася был бутузом. Его десять
минут потаскаешь и устаешь. А Саид как пушинка.

– Что с ним?

– Не знаю, – пожал плечами Искандер. – Им Алена зани-
малась. Когда она уходила от меня, он кашлял. Потом пере-
стал. Я решил, что выздоровел. Но температура не проходит
уже несколько дней.

– Ты даже к врачу не обращался?

– Вызывал на дом. Он прописал «парацетамол». Я давал.

– Он еле дышит, – дрожащим голосом произнесла Чини.

– Нет, – замотал головой Искандер. – Он просто тихо
спит. Покажи его семейному доктору своих хозяев. Уверен,
он быстро его поставит на ноги.

Это были последние слова Искандера. Произнеся их, он запрыгнул в машину, хлопнул дверью и уехал.

Чини постояла некоторое время, глядя на удаляющееся авто. Она была в ступоре.

«Встряхнись, встряхнись, встряхнись!» – мысленно приказывала себе она, но оставалась неподвижной.

Саид завозился. И беззвучно заплакал – скривил свой маленький ротик и сморщился. Это и заставило Чини встряхнуться. Она потрогала лоб сына. Холодный. Температура упала до тридцати пяти. Заботливый отец перекормил ребенка жаропонижающими. И что теперь делать? Бежать в усадьбу, вызывать «Скорую помощь».

Чини, прижав сына к груди, припустила с сторону дома, но тут услышала хрип. Его издавал ее малыш. Она остановилась, взглянула на него...

Глазки Саида закатились, и он замолк.

Чини поняла, что ее сын умер.

Она попыталась сделать ему искусственное дыхание и массаж сердца, но это не помогло.

Пульс так и не появился.

Вдруг до нее донесся слабый писк. Это тоненько плакал маленький ребенок. Чини едва от счастья не умерла, решив, что этот звук издает ее сын, но нет...

Он доносился из амбара.

Строение это хоть и было заброшено давным-давно, оставалось крепким. Возводилось оно еще до революции зажи-

точными крестьянами. Двери и окна в нем были заколочены, но Чини смогла отодвинуть одну из досок и заглянуть внутрь.

В амбаре было темно, поэтому она ничего не увидела. Но плач услышала явственнее.

– Эй, малыш, – позвала Чини. – Где ты?

Ответа не последовало. А плач стих.

– Не бойся, я тебе помогу...

– Чини? – раздался детский голосок.

– Да, да, это я... – Ее имя было произнесено через «Т», и она поняла, что внутри амбара Маша. – Подойди к двери, я за ней. Можешь это сделать?

Горький плач был ей ответом.

– Успокойся, малыш, я сейчас приду за тобой.

Оторвав доску, едва державшуюся на ржавом гвозде, Чини пролезла внутрь амбара. Саид все еще был на ее руках. Она никак не могла себя заставить оторвать его от своей груди.

Максимилиана Чини нашла быстро. Он был помещен... В клетку-переноску для собаки. В такой хозяева возили к ветеринару своего пса Герцога. Мальчик лежал в ней, свернувшись калачиком. Судя по мутным красным глазам, был напичкан каким-то снотворным.

И Чини решилась. Она положила на землю своего мертвого сына, которого не успела спасти, и бросилась на помощь чужому.

– Кто тебя притащил сюда, солнышко?

– Не знаю... – По грязной мордашке потекли слезы, оставляя белые бороздки на щеках.

– Сейчас я тебя выпущу. Только найду, чем сбить замок.

Но она не обнаружила ничего подходящего и тут вспомнила про робота. Он дорогой, железный. Да еще с выдвигающимся оружием, базукой и мечом. Чини бросилась за ним, но Мася, видя, что она уходит, залился плачем. Она хотела вынести клетку, но та была зафиксирована цепью.

Чини достала из кармана большой чупа-чупс, приготовленный ею для Саида. Месе такие вещи не покупали. У него выступал диатез от сладкого, а всякая химия вызывала зуд.

– Знаешь, что это? – спросила Чини. Мальчик мотнул головой. – Устройство, которое спасет Землю. Его надо держать во рту до тех пор, пока не останется одна палочка. Не выплевывать, не разговаривать, не плакать. И я доверяю эту волшебную вещь тебе. Ты должен держать ее во рту, пока я хожу за роботом. Он будет спасать Землю после тебя. Справишься?

Мася замотал головой. Но Чини уже развернула конфету, после чего засунула мальчику в рот.

Когда она вернулась, он сосредоточенно сосал чупа-чупс.

Чини сбила замок. Открыла клетку. Мася выбрался из нее и тут же бросился на шею своей спасительнице. Он несколько раз обмочился и обкакался, пока находился в амбаре. Чини передела его в вещи сына. Сунула ему зайца и робота.

Собралась уводить... Как услышала тяжелые шаги.

Уже стемнело, но луна не показалась, и Чини не смогла рассмотреть человека, подошедшего к амбару. Она поднесла ко рту вытянутый указательный палец, призывая Масю к молчанию. Но он спасал Землю, и это было лишним.

Вдруг... Вспышка.

Чини припала к щели между досками. И увидела горящий факел. Он летел на нее. Чудом сдержав крик, женщина отпрянула. Света стало больше. Огонь разрастался. Он охватил пожухшую траву, росшую за амбаром, затем перелез на стены. Чини понимала, что, если ничего не предпримет, они с Масей сгорят. Она схватила мальчика и бросилась к лазу. Но он вырвался. Вновь забрался в клетку. Чини решила, что он от шока совсем перестал соображать, но ребенок просто забыл свою игрушку – пистолет. С которым тотчас вернулся. И продолжил спасать мир. А заодно и себя – для чего шустро пополз рядом с Чини.

Женщина и ребенок смогли выбраться из горящего здания. И сползти с откоса.

– Чини, все! – закричал Мася, вытащив изо рта палочку.

– Умница, малыш, – переводя дыхание, улыбнулась Чини.

Огонь разрастался. Его всполохи освещали берег. Чини силилась рассмотреть того, кто устроил поджог, но не могла – мешало пламя. Тут до нее дошло, что сама она как на ладони. Сверху видно лучше, и если поджигатель заметит ее, а главное, Масю, то все напрасно... Его добьют. А заодно и

ее.

– Солнышко, нам нужно уходить отсюда, – зашептала Чини, схватив ребенка в охапку.

– Домой?

– Нет, не домой.

– Но почему?

– Те нехорошие люди, что заперли тебя в амбаре, могут быть там. – Чини знала, что мальчик пропал, гуляя по территории усадьбы. Значит, кто-то из приближенных к семье был соучастником преступления. К тому же собачья клетка как две капли воды похожа на ту, в которой возили к ветеринару Герцога. Его так и не вылечили, пес скончался, а переноска перекечевала в кладовую. – Хочешь прокатиться на автобусе?

Мальчик радостно закивал. Его всегда возили на автомобиле представительского класса, а он хотел на бензовоз и в автобус. А как его завораживала мусорка...

У Чини было мало времени на раздумье. Решение нужно было принимать в мгновение. До усадьбы далеко, и путь небезопасен, до остановки десять минут. Если идти вдоль реки, их никто не заметит. У Чини есть деньги, они доедут до города, там сразу отправятся в милицию. В деревне, конечно, есть участковый, но он беспробудно пьет и вообще человек ненадежный.

Тогда она еще не понимала, что собирается сделать...

Осознала лишь тогда, когда в городе уже отправилась не

в милицию, а на той же автостанции, до которой добралась, пересела на автобус до Москвы. А через семь часов в поезд, следующий до Душанбе, при этом купив билет не в кассе – их там просто-напросто не было, – а у какого-то спекулянта.

Аллах отнял у Чини Саида, но взамен дал Масю.

Чини спасла его, а он спасет Чини.

Она поклялась себе, что больше не впустит в свою жизнь, а значит, и в лоно, мужчину. Значит, у нее больше не будет детей. Она посвятит себя Максимилиану. Да, Чини не даст ему того, что смог бы дать Иван Глинка... Но с другой стороны, она уже сделала больше, чем он, – сохранила ему жизнь. Имея целую толпу охранников, Иван не уберег своего беззащитного маленького Масю от беды. Так где вероятность, что сможет сделать это впоследствии? Разве что поместит его в клетку, пусть не собачью, а золотую...

С Чини Максимилиану будет лучше и безопаснее!

Убедив себя в этом, она забралась на подножку поезда и отправилась в свою новую-старую жизнь.

* * *

В родном доме Чини не были рады. Но, естественно, приняли. Выделили для них с Масей отдельную комнату, для чего пришлось потесниться. Замуж вышли только две из сестер. Барфи, у которой сорвалась свадьба, и Зеда, самая младшая, остались при родителях. И если первая гордилась

тем, что хранит верность жениху, который от нее отказался, и несла свою девственность как знамя, то вторая, косоглазая и заикающаяся, давно с ней рассталась, надеясь хотя бы удовольствие от мужчин получить. На супружество не рассчитывала, но от секса не отказывалась. Бывало, сбегала из дома, чтобы провести часок-другой с кем-то из парней. Возвращалась довольная. Барфи тут же доносила на нее матери, и та била ее, но Зеде все было нипочем.

Единственный сын Юсупа тоже не стал папиной отрадой. Был ленивым, инертным. Ни работать, ни учиться не желал. А вот вкусно покушать – да. Поэтому разъелся до ста двадцати килограммов.

Юсуп тащил на себе троих детей, а тут еще одна доченька нагрянула. Да не одна, с ребенком. Бесспорно, он был рад тому, что она жива-здорова, но два лишних рта – это много.

– Другие в Россию за длинным рублем ездят, – вслух рассуждала Барфи, желая, чтоб ее услышала Чини. – А наша сестренка мало того без гроша вернулась, так еще без золота и одежды. А мы читали ее письма и помним, как она хвалилась своей сытой жизнью.

Пока дело касалось ее, Чини помалкивала. Все, сказанное Барфи, было правдой. Вместо того чтобы помочь семье, она ее объедает. Но когда сестра начала цепляться к Масае, все изменилось. Как-то Чини услышала следующее:

– Мама, ты все еще веришь ей? Думаешь, от мужа родила? Да ты посмотри на этого мальчишку. Метис он.

– Вроде на Искандера похож, – отвечала мама. – Хотя я плохо его помню.

– Нет, он хоть и черненький, но не наш. Языка не знает, пипирка необрезанная и имени своего не признает. Не хочет быть Саидом. Масей себя называет. Нагуляла Чини его. За это ее муж и выгнал. А теперь мы ее ублюдка кормим...

Тут Чини и сорвалась. Выскочила из-за угла и отхлестала сестру по губам. Потом взяла Масю, который играл с роботом и пистолетом, на руки и ушла.

В никуда...

Денег не было. Продать – нечего. Разве что кольцо обручальное да крестик Масы, но много ли за это дадут? Но оказалось, вполне прилично. В кольце бриллиант, а крестик, как выяснилось, не из серебра был изготовлен, а из платины. Уехали в город, где Чини училась. Там остались знакомые.

...Неприкаянными Чини и Саид Гарифовы оставались до тех пор, пока не пришло известие о смерти Искандера. Чини связь с отцом не теряла, и он сообщил дочке о том, что ей осталось наследство от него. Зная мужа, она не ждала несметных сокровищ. Не ошиблась. Ей досталась комната в коммунальной квартире, правда столичной, машина и личные вещи, что не растащили. Все продав, Чини смогла купить часть дома в Навабаде. Там Масы-Саид пошел в школу, и его первой учительницей стала мама.

Они жили у черты бедности, но не перешагивали через нее. Как мог, помогал Юсуф. Приносил баранины, что-то чи-

нил в доме, садик во внутреннем дворе обихаживал, потому что дочь с внуком не знали, как это делать. Чини оставалась его любимицей. И Саид ему нравился больше остальных внуков. Хотя он был согласным со старшей дочкой – не Искандер его отец. Но вопросов Чини Юсуф не задавал. Принимал ее версию.

Дед скончался на глазах Саида. Они вместе ковырялись в земле, смеялись над чем-то... И тут Юсуф замолчал. Потом схватился за сердце и упал лицом вниз. Инфаркт миокарда. Мгновенная смерть.

Его дочери так не повезло...

Чини занемогла после похорон. Но взяла себя в руки и сделала вид, что у нее все хорошо. Несколько лет Чини строила из себя здоровую. Когда стало невыносимо, пошла на обследование. Сказали, нужна операция по замене сердечного клапана. Бесплатно такие не делают, а денег взять негде.

Чини пришлось уйти с работы, а Саиду бросить институт. Он поступил в него играючи. На бюджетное отделение престижного лингвистического факультета. И не сомневался, что восстановится так же легко, когда закончатся семейные неприятности. Он не знал всей правды и думал, что Чини скоро поправится. Но она угасала...

Понимая, что осталось недолго, она и раскрылась Саиду. Рассказала все, без утайки. В мельчайших подробностях. – Ты прости меня, сынок, за то, что поломала твою жизнь, – прошептала она, закончив исповедь. – Ты мог бы

сейчас жить как принц...

– Ты спасла меня, – твердо сказал Саид.

– Да, но не вернула родителям. Обрела на страдания и их, и тебя...

– Я счастлив быть твоим сыном.

– Тебя же били, я знаю. Обзывали ублюдком – моя старшая сестра не заткнула свой поганый рот даже после того, как я отхлестала ее по губам. Ты такой же, как я, скрытный. Поэтому не жаловался, но я видела раны на твоём теле. Тебе так нелегко пришлось...

– Что нас не убивает – делает сильнее. Фридрих Ницше. Благодаря тебе я знаю, кто это... – Саид ревел, как маленький ребенок. Когда его обзывали ублюдком и закидывали камнями, он только орал от боли и бессилия, но не плакал. – И вся моя жизнь... Я живу только благодаря тебе.

Чини вытирала его слезы своей слабой рукой.

– Когда я умру, найди свою настоящую семью. Я записала все, что помнила об Иване, Клементине и Святославе. Блокнот с информацией в моих личных вещах. Сейчас, в век Интернета, добыть информацию нетрудно.

– Постой, – встрепнулся Саид. – Но если мои биологические родители богаты, то они могут помочь нам. Давай отыщем их, напишем... Попросим денег. Для них это копейки. И у тебя будет новый сердечный клапан!

– Когда они узнают правду, то возненавидят меня, – вздохнула Чини. – Дай мне спокойно умереть.

– Не дам. Я хочу, чтоб ты жила.

– Устала я, сынок... – едва слышно проговорила Чини. –

Посплю, – с этими словами она закрыла глаза.

Саид поцеловал маму в лоб и, достав из ее ящика блокнот с записями, отправился в сад, где был лучший сигнал, чтобы через мобильный Интернет поискать в сети родню. Но связь была ни к черту. Постоянно обрывалась. Однако Саид все же смог найти Святослава Глинку, успешного бизнесмена. Его не было ни в одной из общедоступных социальных сетей, и написать ему не получилось, но это ерунда. Есть юридический адрес его фирмы, значит, найти брата он сможет.

Желая поделиться радостью с мамой, Саид прервал свои интернет-изыскания и вернулся в дом, но...

Чини была уже мертва.

Глава 4

Бориса Хренова многие боялись. У него был грозный вид, громовой голос и репутация сурового человека. Таковым он и являлся. Но был справедлив. Не самодурствовал. Прежде чем карать, выслушивал защитные речи и проверял факты.

У Бориса была крупнейшая в городе охранный фирма под названием «Витязь». Штат огромный. Каждого нанятого лично не проверишь. Поэтому случались осечки – принимали и неблагонадежных. Они своими действиями портили имидж фирмы, чем выводили Хренова из себя. Он годами наработывал репутацию, а из-за одной паршивой овцы...

Одна такая сейчас стояла перед Хреновым, понурился голову. Если точно, то был баран. Глупый мужик, водящий на закрытый объект, который охранял, телок. Дома – жена, дети. Гостиницу снимать денег жаль. А ночью на объекте никого. В твоём распоряжении комната отдыха. И вахту нести нескучно, и тратиться не надо на апартаменты. Так бы и жил счастливо «баран», если б в его смену из лаборатории сверхтоксичное вещество не пропало. Началось расследование, и хоть оно и доказало непричастность охранника (и женщины, что была у него в ту ночь), его непрофессионализм был замечен и отмечен. За это Хренов увольнял без сожаления. Но и уволить можно по-разному. Кого просто отпустить, а кого в чёрный список занести. Тот, кто в этот список попадает,

не найдет себе нормальной работы. В магазин охранником устроится, и то если повезет.

«Баран», что стоял перед Борисом, был явным кандидатом на вылет, но Хренов пока не мог решить, какие санкции к нему применить: просто лишить выходного пособия или еще и права на последующее трудоустройство.

– Борис Аркадьевич, не губите, – проблеял мужик. – Знаю, накосячил, но...

– Понять тебя и простить? – рявкнул Хренов. – Как коллегу твоего... этого... как там его? Картавого? Из телика?

Прощтрафившийся охранник сжался, когда Борис навис над ним. Он был невысок, а Хренову до двух метров не хватало трех сантиметров. И массой он превосходил подчиненного. Причем мышечной, а не жировой. Пятидесятипятилетний Борис имел практически идеальное тело. Спортом занимался регулярно, да не в зале, а на улице и в любую погоду. Он бегал, подтягивался, приседал. Можно сказать, проходил, как когда-то в армии, полосу препятствий. Регулярно он проводил соревнования среди своих ребят и поражался тому, какой хилой стала молодежь. На первый взгляд brave парни, с кубиками пресса и внушительными «банками», а ни настоящей силы в них, ни выносливости, фактура одна. А он ведь брал на работу только тех, кто прошел армию...

Тут распахнулась дверь, и в кабинет влетела помощница Хренова, Мария. Она была очень молода, еще не окончила институт, невероятно собою хороша, и все считали, что Бо-

рис не просто так принял на работу сопливую студентку и либо спит с ней уже давно, либо начал, когда взял под свое крыло. На самом же деле Маша не только не являлась его любовницей, она даже не рассматривалась в этом качестве. Бориса не привлекали «дочки», тянуло к зрелым женщинам, ровесницам. Мария же устраивала его как личный помощник. Да, неопытна, но легко обучаема, сообразительна, энергична, отлично знает компьютер, умеет ладить с людьми, в том числе с боссом. Зная, как Хренов не любит многословных людей, Маша умудрялась докладывать обстановку одной фразой. Сейчас же она превзошла саму себя и уложилась в две буквы:

– ЧП.

– Где?

– В деловом центре.

– Что там случилось?

– Почту откройте, я вам отправила файл. – Мария покосилась на проштрафившегося охранника. – Проводить посетителя к выходу?

– Да, будь добра. – Борис протянул руку к компьютерной мыши. – И позвони в отдел кадров, скажи, чтоб приняли от этого гражданина заявление об уходе по собственному желанию.

– Спасибо, Борис Аркадьевич, – выдохнул охранник с облегчением.

– Но зарплату за месяц не получишь. Ты оштрафован.

Все! – и так зыркнул, что мужик как ошпаренный к двери понесся, боясь, что Хренов передумает.

Маша вышла вслед за ним. Борис остался один и стал смотреть короткий ролик, явно снятый на мобильный. На нем один из его охранников сбивает с ног какого-то бомжа, а потом валяет его по брусчатке. Оба кричат, но слышно плохо – мешает шум, доносящийся с шоссе.

Хренов, поглядывая на экран, достал телефон. Всех ребят, что отвечали за безопасность в деловом центре, он не знал, но не того, что был запечатлен на камеру. Олега Панкратова он лично привел к себе в фирму. Он был сыном лучшего друга Бориса. Парень служил в горячей точке, вернулся травмированным. Никому не рассказывал, через что прошел там. Он вообще мало общался с родителями, хоть и жил с ними под одной крышей. На заработанные на войне деньги купил машину, стал на ней в такси работать. Через полгода сорвался и избил клиента, который, будучи в состоянии сильного алкогольного опьянения, обмочился в салоне. Избил жестоко. Чтобы под суд за это не попасть, пришлось машину продать и заплатить пострадавшему. После этого были депрессия и попытка суицида. Родители отправили Олега на реабилитацию. Благо для таких, как их сын, имелись бесплатные клиники. Парню помогли, он пришел в норму, и Борис взял его к себе. Сделал одолжение другу. Первый год держал на расстоянии от людей, отправлял на охрану складов или строительных объектов. Но Олег ни разу не проко-

лолся. Поэтому Борис перевел его в бизнес-центр. Охраняли его лучшие из лучших, поскольку платили ребятам более чем хорошо.

Набрав номер Олега, Хренов стал ждать, когда ему ответят.

– Дядя Боря, привет, – услышал он.

– Здорово. Знаешь, что я сейчас смотрю?

– Нет, – через паузу ответил Олег.

– Запись того, как ты метелишь бомжа у бизнес-центра. На ютьюбе нашел, прикинь? Поздравляю, ты стал звездой Интернета.

– Я сейчас все вам объясню...

– А раньше, мать твою ети, ты этого сделать не мог? – взревел Хренов. – Сразу после того, как натворил дел? Нас же общественные организации сейчас загнобят, раздуют в прессе шумиху...

– Позвольте все объяснить.

– Да и так все ясно. Опять сорвался?

– Вовсе нет. Я проявил бдительность и только. Никакой агрессии. Парень не пострадал.

– Да ты его размазал по тротуару.

– Он выглядел подозрительно, вел себя так же. А еще имел при себе пистолет.

– Да ну? Тогда почему мне еще не пришел отчет о происшествии?

– Оружие оказалось ненастоящим, хоть и выглядело ре-

листично. Меня попросили замять этот инцидент.

– Кто?

– Святослав Глинка. Он директор фирмы, занимающей целый этаж в нашем здании...

– Я знаю, кто такой Святослав Глинка, – перебил его Хренов. – А какое он имеет отношение к избитому тобой бомжу?

– Тот назвался его братом...

Рука Бориса, державшая телефон, дрогнула, и аппарат его едва не выпал.

– Его брат погиб в возрасте трех лет, – смог выдавить из себя он.

– Глинка так и сказал. Но парень, по документам Саид Гарифов, утверждал, что он смог выжить.

– Гарифов? – переспросил Борис. Он знал эту фамилию!

– Именно. Я запомнил. На всякий случай. Как серию и номер паспорта.

Хренов схватился за мышь, чтобы промотать видео еще раз. Нажав «плей», впился глазами в экран.

– Надеюсь, Глинка не поверил лжебрату?

– Он был настроен скептически, но согласился на разговор. Некоторое время Святослав и Саид беседовали в конференц-зале, потом ушли.

– Куда?

– Мне не доложили, дядя Борь.

– Ладно, понял.

Хренов отключился и прогнал запись еще раз. Но на ней

не видно лица поверженного Олегом парня. Да и тело его тонет в огромной куртке. Понятно, что худенький – шея тонкая. И совсем не агрессивный. Защищается, не пытается нанести удар. Кричит только...

Прибавив звук, Борис услышал: «Святослав Глинка! Мне нужен Святослав Глинка. Я должен с ним поговорить!»

Хренов вскочил со стула, прошелся по кабинету, снова сел....

Максимилиан Глинка – Маша – жив?

Нет, такого не может быть!

Иван Глинка стал первым солидным клиентом охранного предприятия «Витязь». До него Хренову приходилось иметь дело с рыночными торгашами, ларечниками, мелкими рестораторами и оптовиками. Глинка же был птицей высокого полета. Бывший комсомольский лидер, он вовремя перестроился и стал учредителем банка. Вскоре его филиалы открылись не только в городе, но и в области.

На момент, когда Хренов заключил договор с Глинкой, у Ивана был только один ребенок. Святослав. Максимилиан появился через три года. С обоими он познакомился много позже, как и с супругой Ивана. Ее звали Клементиной. Но для своих она была Тиной. Однако госпоже Глинке очень нравилось ее нестандартное имя, и она желала, чтоб ее дети носили такие же. Поэтому в семье сначала появился Святослав, а потом Максимилиан. И Иван не спорил, он обожал свою жену. Присмотрел ее, когда Клементина еще в шко-

ле училась, в выпускном классе, и на торжественных линейках вместе с мальчиком и еще одной девочкой вышагивала с комсомольским знаменем. Они поженились, когда девушке исполнилось восемнадцать, а спустя год у них появился сын.

Святослава Хренов узнал, когда тот уже был подростком. Длинный, сутуловатый, с острыми локтями и проблемной кожей, парень был олицетворением всех «прелестей» переходного возраста. Но его угловатость и воспаленные прыщички на лбу – ерунда по сравнению с особенностями характера, появившимися в период переходного возраста. Борис не знал Святослава до этого, но, по словам его матери, мальчишку будто подменили. Он стал просто отвратительным. И с этим Хренов не стал бы спорить. Ему приходилось общаться с тинейджерами, включая собственного сына, но все они были ангелами по сравнению с отпрыском Глинки. И не то чтобы Святослав творил что-то из ряда вон выходящее: принимал наркотики, дрался, мучил животных... Нет, ничего подобного. Он просто всех презирал! Всех без исключения, даже близких, и не считал нужным это скрывать.

Родители очень переживали по этому поводу. Особенно отец. Его Святослав побаивался и вел себя с Иваном более-менее нормально. Доставалось доброй и безгранично любящей матери – большую часть презрения сынок выливал на нее. Тина пыталась наладить отношения, но чем больше предпринимала попыток, тем сильнее отдаляла от себя Святослава. Ему хотелось, чтоб его оставили в покое. Все,

включая младшего брата. Максимилиан, Макс, Маша, или Маленький Будда, тянулся к Святославу, но тот намеренно избегал его. Но улизнуть не всегда удавалось. И тогда старшему брату приходилось терпеть объятия и поцелуи младшего. И, глядя на ребят, Борис думал, что Святослав намеренно корчит страдальческую гримасу, не желая показывать, как дорог ему Маша.

– Борис Аркадьевич, – услышал Хренов голос секретаря. Оторвав взгляд от монитора, на котором застыли три фигуры – Саида, Олега и подошедшего к ним Святослава, переместил его на Марию, стоящую в дверях. – Вы только не нервничайте, хорошо?

– Что, еще один мой охранник стал звездой Интернета?

– Хуже.

– Хорошо предупредила, что мне нервничать нельзя, а то я сейчас волосы на себе рвал бы.

– Хотела бы я на это посмотреть, – усмехнулась Мария. Хренов два раза в месяц проходил по своему черепу, и на нем сейчас был короткий седой ежик. – Почта пришла.

– И?

– Вам доставлено **ОСОБЕННОЕ** письмо.

Хренов застонал.

– Будете читать или выбросить?

– Давай его сюда.

Мария прошла к столу и положила на него конверт.

– Хотите, я вам чайку с травками заварю? Успокаивает.

– Нет, спасибо. Я уезжаю. – Борис сунул письмо в карман. – Это прочитаю позже.

– Вернетесь сегодня?

– Не могу сказать точно. Позвоню.

И, достав из ящика ключи от машины и бумажник, покинул кабинет.

Авто, на котором ездил Хренов, было, мягко говоря, не новым. Финансы позволяли его сменить, но Борис относился к своему «крузаку» 1995 года выпуска не как к средству передвижения, а как к боевому товарищу. Он спасал Бориса от многих погонь и вместе с ним страдал в перестрелках. Поэтому Борис не избавлялся от своего автомобиля, а чинил его и красил. Благо в прошлом веке машины на совесть делали, и «крузак» доставлял своему хозяину немного хлопот.

Хренов забрался в салон, устроился на чуть потертом кожаном сиденье и распечатал письмо.

Оно было от жены...

Бывшей. С которой Хренов развелся еще в девяностых.

Ее звали Верой. Борис познакомился с ней в поликлинике. Он проходил медкомиссию, она принимала кровь на анализ. Миниатюрная брюнеточка заинтересовала Хренова. Ему всегда нравились дюймовочки, и темные волосы привлекали больше светлых. «Я не джентльмен», отшучивался он, когда друзья спрашивали, – почему среди его пассий нет ни одной блондинки.

Вера и Борис стали встречаться и вскоре поженились. Родился сын, через четыре года – дочка. Со стороны – нормальная семья, даже образцовая. Но Борис не ощущал себя счастливым в браке. Чего ему в нем не хватало, он не мог определить. Решил, что просто не рожден для семьи. Провозгласил самого себя одиноким волком и отправился на войну.

Отсутствовал долго. Вернулся поседевшим, похудевшим, нервным – изменившимся, но не другим, как думала жена. Попросил развода. Вера не дала. Сказала: «Ты пока не в себе, отойди, потом все обсудим». Борис знал, что не передумает, но спорить не стал. Через три месяца он вернулся к разговору о разводе, но супруга сообщила о том, что беременна. Хреновы сексом занимались всего раз после возвращения Бориса с войны, но его было вполне достаточно для того, чтобы зачать ребенка. Уходить от беременной женщины – верх непорядочности, и Борис остался. Вера была счастлива. Она во чтобы то ни стало хотела сохранить семью. Поэтому выдумала свое интересное положение. А следом – выкидыш. И осложнения после него. Больную Борис тоже не бросит, ему не позволит совесть.

Так бы, наверное, и жили, не узнай Борис правду. Спасибо за это дочери. Девочка в него пошла – совестливой была. Покрывала маму год, а потом не выдержала, отцу рассказала о том, что его за нос водят. Вера, как оказалось, семейный совет собрала. Усадила перед собой детей и поведала им о своих планах. Просила подыгрывать. Дочке сразу эта идея

не понравилась, а сыну – да. Он хотел жить в полной семье, даже если она только на вид благополучная... В мать пошел парнишка.

Борис ушел жены и подал на развод. Вера и в суде боролась за придуманное ею же семейное счастье. На первом заседании рыдала и умоляла дать мужу шанс одуматься, не забыв упомянуть о его военном прошлом и двух контузиях. На втором – предъявляла финансовые претензии. На третьем, когда Борис официально отказался от всех прав на имущество, их развели.

Из здания суда Хренов выходил под градом проклятий. Вера бежала за ним и кричала, кричала...

Даже сыну стало за нее стыдно. И он увел мать. А дочка подскочила к отцу и чмокнула в щеку. Она была на его стороне.

Это был последний раз, когда он видел сына. Мать запретила детям встречаться с отцом. Мальчик послушался. А девочка – нет. Она тайком приезжала к Борису на съемную квартиру. Жарила ему оладушки, то ванильные, то кабачковые, то банановые, или кексы пекла, с изюмом, цедрой, курагой, и с довольной мордахой смотрела, как папа ест. Когда она выросла и получила специальность технолога пищевого производства, Борис открыл для нее кондитерскую. Сыну тоже пытался помочь с малым его бизнесом, но тот не желал иметь никаких дел с отцом-предателем. В итоге разорился, захандрил, ладно хоть не запил.

В мать он пошел не только характером... Верины психические отклонения также ему по наследству достались. Хотя Борис где-то читал, что передаются они обычно дочерям. Той же Вере от бабушки... счастье прилетело. Бабушка в психушке умерла, хотя могла бы в тюрьме – привлекалась, и не раз. Женщиной она была неопасной. На врагов своих (которые виделись ей повсюду) не бросалась с пеной у рта, чтобы вгрызться в глотку, но закидывала их фекалиями. Или оставляла кучи под дверью.

Веру в конечном итоге тоже закрыли. И сделал это сын. Они жили вместе, и терпеть женщину, чье расстройство прогрессировало, становилось ему все труднее. Любимое чадо отправило родительницу в лечебницу. Но считало, что во всем виноват Борис. Он довел мать до помешательства. У себя же самого пусть уже взрослый, но ребенок отклонений не наблюдал. Хотя то, что ему всюду мерещились то агенты вражеской разведки, то инопланетяне, то суккубы, говорило о многом. Сын же видел в этом свою избранность. Называл себя то магом, то экзорцистом, то мессией. Не работал. Таскался по кастингам, пытаясь попасть на какое-нибудь шоу экстрасенсов. Ни на одно не взяли. А когда сын устроил представление с изгнанием бесов на городской площади, был бит «одержимыми». Борис просил сестру присматривать за ним и передавал через нее деньги. Экзорцистам тоже нужно кушать.

Где сейчас находился его отпрыск, Борис не знал. Сын два

года назад уехал на Алтай и за это время не подал ни одной весточки...

Тогда как Вера не оставляла бывшего мужа без внимания.

В дурдоме она провела уже пять лет. Иногда ей становилось лучше и можно было бы забирать на время, но у дочери появились дети, два пацана, рожденных с разницей в десять минут, разве к ним приведешь умалишенную? Вера, будучи в более-менее здравом уме, понимала это. Но в периоды обострений изливала проклятия на головы мужа и дочери. Первому писала, второй звонила...

Борис покрутил в руках конверт, раздумывая над тем, вскрывать его или нет. С первыми Вериными посланиями он знакомился. Думал, может, надо лекарства какие привезти или другим чем-то помочь. Небольшую вину он за собой чувствовал. Нормально же жили. Не хуже, чем многие. А он ушел, толком не объяснив почему. А не объяснил, потому что не мог. Разлюбил? Так и не любил никогда, Вера просто нравилась, и, поскольку забеременела, Борис, как честный человек, повел ее под венец. Другую нашел? Нет, не нашел. Жена изменила? И такого не было. Вера блюла себя, верно ждала с войны. Еще держала дом в чистоте, замечательно готовила и выглядела отлично. Чего же не хватало Борису?

Много позже он понял, чего... ЛЮБВИ!

Хренов нашел ее в конечном итоге. Но на его чувство не ответили. И он, уже не по своей воле, оставался одиноким волком по сей день.

...Решительно разорвав конверт, Борис завел мотор. Он намеревался встретиться со Святославом Глинкой. Человеком, который избавился от Хренова как от какого-нибудь старого, пропитанного неприятными запахами и заселенного клопами дивана, едва вступил в права наследования.

Глава 5

Ольга стояла у окна со стаканом молока в руке и смотрела на сад. Весной он выглядел не так роскошно, как летом, когда на многочисленных клумбах распускались цветы, но все равно глаз радовал. Лично Оле особенно нравилась в нем простота. Никаких тебе альпийских горок, фонтанов, фигур, вырезанных из деревьев, – всего того, что имеется в садах при богатых домах. Ухоженные растения и только. За ними следит Павлик. Он же занимается огородом. В нем не только грядки, но и три теплицы. В одной растут огурцы и кабачки, в другой – томаты и перцы, в третьей – ананасы. Последние не вызревают, и их не то что есть, на украшения нельзя пускать, но Павлик не желает сдаваться и возится с ними уже который год.

В тот момент, когда Оля допила молоко и собралась отойти от окна, он появился из-за угла дома с ведром в руке. Пошел обрабатывать стволы так и не зацветших яблонь каким-то чудо-составом. Павлик работал при доме с того момента, как он был построен. Он являлся родственником хозяев, и они пригрели его. Это случилось, когда Павлик был совсем молодым человеком, сейчас же садовник разменял пятый десяток. Но выглядел максимум на тридцать пять. Статный, симпатичный, с гладким лицом и волнистыми русыми волосами без единого седого, он производил прият-

ное... первое... впечатление. Помнится, когда Олю с ним познакомили, она подумала: «Какой красавчик». И подивилась тому, что Павлик живет на территории усадьбы, куда работникам категорически не разрешается приводить посторонних. Никого, включая ближайших родственников, не говоря уже о любовниках или любовницах. А так как в отпуске он не ходит, а выходной берет раз в месяц, то можно сделать вывод, что у него нет никакой личной жизни. Или он тайком встречается с горничной или поварихой, но шашни между прислугой тоже были под запретом. Да, Павлик находился на особом положении, и его не выгнали бы, если б это вскрылось, но его пессию – легко. Однако когда Ольга узнала садовника чуть лучше... совсем чуть... то поняла, что он не совсем нормальный. Проще говоря, дурачок. Как она потом узнала, Павлик не родился таким, а стал после тяжелой травмы головы. Его сильно избили, и парень (ему было семнадцать) пробыл в коме две недели. Врачи думали, умрет, но Павлик выжил. И тело его быстро зажило, а вот мозг так и не восстановился.

Ольга решила распахнуть окно, чтобы в помещение влетел аромат цветущей вишни. Жаль, ее было немного в саду, поскольку после нашествия тли выжило всего шесть деревьев. Павлик любил растения, ухаживал за ними, но в силу, а точнее, слабость своего ума не понимал, как это лучше делать. Верил в любую, даже самую дурацкую рекламу, в итоге... яблони не плодоносили, а ананасы не вызревали.

Зато цветы, которые нуждались только в регулярном поливе, цвели пышным цветом.

Когда Оля открыла окно, толкнув обе створки, в комнату ворвался ветер. С самого утра было тихо, а к обеду он разыгрался. И на небе появились облака.

– Погода портится, – услышала Оля. – Завтра будет ливень.

– Привет, Павлик, – поздоровалась она с садовником. Створки громыхнули, и звук привлек его внимание. – Зато тебе завтра грядки не поливать.

– Зальет все. Лета не будет.

– А синоптики обещают затяжную жару.

– Врут, как всегда, – отрезал Павлик и потопал к яблоням, что-то бурча себе под нос.

Он постоянно разговаривал сам с собой. Еще с растениями. И с птицами, которых он прикармливал, чем раздражал хозяина. А вот людей сторонился. Чужих особенно. Когда в дом приезжали гости, Павлик скрывался в своей комнате и отсиживался там, пока они не убирались восвояси. Он ждал этого, не спал, даже если компания задерживалась до утра, и, едва она скрывалась за воротами, выбегал в сад, чтобы проверить, не осквернили ли его. С остальной прислугой Павлик тоже мало общался. Но все же в диалоги вступал. А к Оле проникся как-то сразу. Ей он жаловался на неплодоносящую яблоню и невызревающие ананасы. На тлю. На кротов и медведок. На погоду, как сегодня. А еще он прино-

сил ей лакомства с огорода. Пупырчатые огурчики, молодую зелень, клубнику, завернутую в лист лопуха, растреклятые ананасы...

Другая на месте Ольги подумала бы, что он в нее влюбился. Но она знала – это невозможно. Даже дурачки, а может, особенно они, не влюбляются в уродин...

А она была чудовищно некрасива.

Нет, Ольга не страдала каким-то редким генетическим заболеванием, отражающимся на внешности, не имела приобретенных изъянов, типа сломанной челюсти, носа, разорванных губ. Она просто родилась некрасивой. И нисколько не изменилась с возрастом в лучшую сторону. Гадкий утенок не превратился в прекрасного лебедя.

У Оли были очень крупные черты и узкое, вытянутое лицо с острым, почти треугольным подбородком. Глаза, нос, рот едва умещались на нем. Плюс ко всему у нее были оттопыренные уши. Не спасали макияж и удачная прическа, тем более волосы не поражали густотой. Когда Оля надеялась хоть что-то в себе изменить, намеренно полнела. Ела гамбургеры, запивая их газировкой, но отрастила только безобразный живот, а лицо как было худым, так и осталось. Никаких тебе милых щечек и округлившегося подбородка, только на талии складка жира толщиной в спасательный круг...

Оля забралась на подоконник, сожалея о том, что налила себе маленький стакан молока. Она сейчас еще выпила бы. Дел у нее на сегодня было немного, и хотелось насладиться

этим днем. Тем более завтра погода испортится. Павлик никогда не ошибался. Ему бы в Гидрометцентре работать.

– Оля, ты где? – донесся голос из глубины дома. Он принадлежал горничной Фатиме.

– В кабинете.

– Тебе Святослав Иванович звонит.

Ольга тут же прыгнула с подоконника и пулей кинулась в кухню, именно там она оставила свой сотовый. Добежать успела до того, как звонок оборвался.

– Слушаю, – выпалила она, поднеся телефон к уху.

– Где тебя носит, Оля? – недовольно спросил Глинка. Он привык к тому, что те, кому он звонит, берут трубку после первого гудка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.